

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ ВОСТОКОВЕДА

Предлагаемые ниже воспоминания о Японии начала 70-х годов XIX в. принадлежат перу Льва Ильича Мечникова (1838 ~ 1888). Это был человек необыкновенно яркой биографии. Начав свою деятельность как революционер, он закончил ее в качестве крупнейшего ученого, географа и социолога. С 1883 г. он заведовал кафедрой сравнительной географии и статистики в Невшательской академии (Швейцария). Здесь он снискал себе европейскую известность как представитель географической школы в социологии.

В 1873 г. судьба забросила Л.И. Мечникова в Японию, где он в течение двух лет преподавал русский язык в школе иностранных языков в Токио. Судя по тому, что он оказался в школе иностранных языков по рекомендации будущего маршала Ояма Ивао, победителя российской (маньчжурской) армии в русско-японской войне 1904 - 1905 гг., военное ведомство имело свои интересы в этой школе. Л.И. Мечников обладал феноменальными способностями в изучении иностранных языков. В короткий срок он настолько хорошо овладел японским языком, что смог написать ряд ценнейших научных трудов по истории Японии. Его главный труд «Японская империя» (более 400 с.) издан на французском языке и до сих пор, к сожалению, не переведен на русский язык.

Записки, которые публикуются в данном издании, носят оригинальный характер, во многих отношениях они уникальны. Вряд ли не только в российском, но и мировом японоведении найдется труд, в котором бы столь ярко описывалось японское общество в переходный период. В своих воспоминаниях русский ученый дает ряд ярких и тонких характеристик политических деятелей Японии. Его заключительная фаза «Япония начинает за последние годы быстро германизироваться» заслуживает самого пристального внимания как основополагающая мысль для понимания особенностей общественного развития Японии после Мэйдзи исин.

Воспоминания Л.И. Мечникова были опубликованы в малоизвестном народническом органе и надолго забыты в отечественном японоведении. Но они представляют большую ценность как источник, без которого трудно в полной мере понять историю Японии в период становления буржуазного общества.

В. Совастеев

ВОСПОМИНАНИЯ О ДВУХЛЕТНЕЙ СЛУЖБЕ В ЯПОНИИ

I

В начале семидесятых годов (XIX в. - *Ред.*) русскому скитальцу без определенных занятий жить в Европе становилось тяжело. На каждом шагу приходилось убеждаться, что надежды на исполнение заветных своих помыслов следует отложить в долгий ящик; а если некоторые из них и начинали сбываться порою, то с какою-то постороннею примесью, от которой веяло чужим, безотрадным, холодным. Являлась потребность освежиться, прогуляться куда-нибудь очень далеко, обогатить свой душевный запас совершенно новыми впечатлениями и наблюдениями. В то же самое время горизонт, нависший над Европою затыжным ненастьем, заблистал на далеком востоке неожиданно ярким светом. Страны, которые мы привыкли считать вековым оплотом непробудной косности и застоя — Китай, Япония, — зашевелились, проснулись и с не предполагавшею у них живучестью сами пошли навстречу «белой цивилизации», несмотря на то, что она непрошено ломилась к ним с конвоем казаков графа Муравьева-Амурского¹, с пушками американского коммодора Перри², с дипломатией адмирала графа Путятина³.

Япония, рисовавшаяся нашему воображению загадочною странною, считавшаяся не стоящим внимания придатком Китая, с самых первых шагов на новом поприще выдвинулась очень решительно на первый план; удивила непрошенных посетителей не одною только красотой и роскошью своей природы, но еще более подвижным, восприимчивым нравом своих жителей, «французов крайнего востока»; своею вековою культурою, не возносившеюся, конечно, до тех высот, которых достигла общеевропейская цивилизация последних лет, но зато проникшая далеко в глубь самых низменных слоев ее земского и городского населения. События, известные из газет, служили достаточным ручательством за то, что начинавшееся здесь движение не было плодом легкомысленного увлечения или произвола всесильного деспота, вчера еще прозябавшего в состоянии чуть не людоедской дикости и наготы, а сегодня заимствующего отребья цивилизации и штаны с лампасами у европейских искателей приключений, случайно занесенных к нему судьбою.

Вид целого народа, пробуждающегося от оцепенения и смело идущего навстречу новой жизни, освежает лучше всяких поэтических и роскошно девственных тущоб и пустынь; и я не сомневался, что в тогдашней Японии найду это вдохновляющее и освежающее зрелище. Значительно более загадочным представлялся вопрос - как попасть в эту далекую страну, не имея ни гроша за душою, и как воспользоваться предполагаемою поездкой (если удастся

¹ Подготовка к изданию, комментарии д-ра ист. наук, проф. В.В. Совастеева.

устроить ее) для добросовестного изучения страны, о которой у меня имелись до тех пор самые скудные и сбивчивые предварительные сведения.

Лучшие из европейских библиотек по части изучения Японии не представляли почти ничего, кроме классического сочинения Э. Кемпфера⁴, устаревшего на целых двести лет, и более нового труда Зибольда³ и Гофмана, интересного главнейшим образом с естественнонаучной стороны, да и то незаконченного. Только что вышедшие тогда *Japan* Диксона и *Le japon pittoresque* Гэмбера (Aime Humbert) подстрекали любопытство, не удовлетворяя его. А этим приблизительно ограничивалось богатство европейских литератур по интересовавшему меня предмету⁶.

Голландия, в течение трех веков имевшая монополию торговых сношений с Японией⁷, не сделала ничего для ознакомления с нею остальной Европы, если не считать литературною заслугою голландцев то, что они под своим флагом привезли туда немцев Кемпфера, Зибольда и Гофмана.

Мои предварительные скитания по многим столь и не столь отдаленным местам выработали во мне убеждение, что добросовестно изучать какую бы то ни было страну можно только зная тот язык, на котором говорят ее жители. К изучению же японского языка приступить нельзя, не пройдя через предварительный искус китайской грамоты. Но и затем дело это представляет еще очень существенные трудности. Кафедра японского языка существовала тогда только в Париже. Тамашний профессор г. Л. де Рони (Leon de Rosny) предупредил меня, что, прослушав его четырехлетний курс, я едва буду в состоянии изъясняться по-японски с грехом на три четверти. Перспектива эта мне не показалась заманчивою, и он обязательно снабдил меня рекомендательным письмом к молодому японскому даймё (владельческому князю), проживавшему в Швейцарии для изучения французского языка и разных европейских наук и искусств с патриотическою целью насаждать их потом в отечестве.

Явившись по адресу, я узнал, что предполагаемый мой ментор уже успел, по примеру большей части проживающих в Европе юных своих соотечественников, заpastись чахоткою и отправился в Ниццу; но что, впрочем, в его квартире поселился другой японец, отличающийся от прежнего только тем, что он ни слова не говорит по-французски.

Меня принял не первой молодости господин в необыкновенно франтовском сером пиджаке с радушною улыбкою на огромных губах, с минимумом орлиного носа на непомерно широком лице и с глазами, имевшими вид двух налитых лаком узких щелей. В глаза бросались чрезвычайная белизна его зубов, изящество крошечных рук и ног: это характерные признаки всего японского племени.

Не берусь решить, на каком языке произнес он фразу, из которой я явственно понял только то, что все мои попытки вести с ним дальнейший разговор не приведут ни к чему. Даже знакомые звуки, исходя из его уст, отзывались как-то странно и глухо в моих ушах, точно рот его был устлан внутри пушистым войлоком.

Но усердие превозмогает все, и мне удалось-таки устроить с добродушным японским генералом, явившимся к самому Бисмарку в качестве военного агента, род ланкастерского взаимного обучения, в результате которого у меня

через полтора года уже получилось то элементарное знание разговорного и письменного японского языка, для приобретения которого академическим путем в Париже требовался четырехлетний срок. Когда в 1873 г. в Швейцарию явилось японское посольство, объехавшее целый свет, то я уже был в состоянии не только говорить и переписываться с ними на родном их языке, но даже понимать их французских переводчиков, называвших «Фотеру де Беругу» тот известный Hotel de Bergues (в Женеве), где чрезвычайным представителям е. в. Микадо пришлось выдержать несколько месяцев заключения, потому что тем временем обанкротился американский банкирский дом Bowls et C, куда они догадались поместить деньги, предназначенные на их кругосветное путешествие.

Во главе посольства стояли три лица⁸, разыгравшие главнейшую роль в движении, результатом которого было коренное изменение государственного устройства Японии и окончательное выступление этой так долго замкнутой для целого света страны на путь международных сношений и прогресса. Захватив уже фактически в свои руки верховную власть, они командировали сами себя и друг друга в кругосветное посольство для того, чтобы de visu ознакомиться с различными течениями политической жизни в Америке и в Европе, о которой они до тех пор имели очень смутные понятия по китайским переводам европейских газет и книг и по личным сношениям с дипломатами и негодьями в Иеде и Йокохаме. Выдавая себя при европейских дворах за подчиненных второстепенных правительственных агентов, они с ловкостью истинно восточных людей эксплуатировали свое инкогнито.

Официально роль главы посольства играл Ивакура, впоследствии вице-канцлер (*удайдзин*), пускавший, в случае надобности, пыль в глаза своим кровным родством с царствующей фамилией. В Европе немногие знали, что этого рода придворная аристократия (*куге*) с давних пор не имела уже никакого политического значения, что именитейшие ее члены (в том числе и сам Ивакура до революции) снискивали себе скромное пропитание в качестве учителей этикета или метрдотелей в замках владетельных князей или же наследственного диктатора (*сиогуна*)⁹. Изящного вида небольшой старичок с вдумчивым взором, Ивакура отличался сановитой обходительностью. Он чувствовал себя неловко в европейской одежде и пользовался каждым удобным случаем, чтобы обменять ее на традиционную японскую кофту и халат. Он был восторженным поклонником Петра Великого и из своего путешествия вывез богатую коллекцию портретов преобразователя России и, кажется, уверенность, что ему самому не суждено давать руководящий тон внутренней политике представляемого им правительства. Его коньком было введение в Японии европейского законодательства¹⁰ для того, чтобы отнять у иностранных государств повод к сохранению так называемой *вnezемельности*, в силу которой живущие в стране европейцы неподвластны местным властям. С отменой этой вnezемельности Ивакура обещал европейским дворам полное открытие Японии иностранцам.

Тем практическим знанием, которого существенно недоставало Ивакуре, обладали в высшей степени оба его товарища: министр внутренних дел Окубо, рослый мужчина, лет за тридцать, с густыми черными бакенбардами, с фигурой отставного военного и с чиновничьим складом чувств, и Кидо, министр

народного просвещения, высокий, худощавый, с измятой физиономией старой бабы и с педантической угловатостью манер. Оба они происходили из небогатых и нетитулованных дворян и оба с молодых лет состояли фактотумами¹²: первый - при князе Сацумском; второй - при князе Нагато или Цюсю¹³, т.е. при двух самых могущественных и воинственных из японских владетельных князей. Власть, которую они успели приобрести над своими законными повелителями, простиралась до того, что они-то, собственно, и побудили этих князей подписать достопамятный адрес об отмене феодального строя - адрес¹⁴, который в новейшей японской истории соответствует знаменитому провозглашению во Франции «*des droits de l'homme*». До своего появления в Швейцарии Кидо и Окубо, действовавшие до тех пор согласно, успели уже окраситься каждый своим особым политическим оттенком: Окубо прельстился французскою централизацией и с любовью занимался в Париже изучением сложного механизма сенекской префектуры и наполеоновских законов о печати; Кидо же мечтал о создании японского парламента и с замечательною прозорливостью скоро усмотрел, что Швейцария со своим вековым общинным строем представляется превосходною политическою школою для государственного деятеля такой страны, которая, как Япония, при территориальной ограниченности представляет, однако же, большое разнообразие областных и исторических особенностей...¹⁰

Мое чисто случайное знакомство с японским посольством сгладило очень многие из затруднений, казавшихся непреодолимыми на первый взгляд. Раннею весною следующего года я уже был приглашен для устройства в японской столице вольной школы на деньги, которые были даны правительством *самураям*¹⁶ (т.е. офицерам и чиновникам) Сацумского княжества в награду за участие в революции 1868 г., имевшей своим последствием уничтожение военной диктатуры и восстановление (по крайней мере номинальное) единой и нераздельной императорской власти в целой стране.

Школе этой не суждено было осуществиться, и, не доехав еще в Японию, я оказался без собственного ведома зачисленным в коронную службу по министерству народного просвещения. Результаты своего изучения Японии по личным наблюдениям, по японским книгам я уже изложил в объемистом сочинении¹⁷. Здесь же я хочу поделиться с читателем впечатлениями более субъективного свойства, которым не было места в специальном этнографическом и историческом труде.

II

Пятидесятидневное наше плавание близилось к концу. Обыкновенно путешествие от Марселя до Йокохамы длится не более 45 дней, но нам решительно не везло: несмотря на благоприятное время, непогоды задержали нас и в Средиземном море, и в Индийском океане между Аденом и Цейлоном, а при выходе из пролива Формозы к японским берегам нам пришлось выдержать четырехдневную бурю, обломавшую две лопасти у винта и значительно попортившую руль, так что его пришлось заменить спущенными в воду пустыми бочками из-под анилиновой микстуры, задумавшей прогуляться в Японию под псевдонимом красного вина. Давно замечено, что в странах,

обращающихся на путь европейской цивилизации, в первое время всегда бывает сильный спрос на скорострельное оружие и на спиртные напитки.

Четырехдневная буря, измучившая пассажиров и матросов, давно прошла, но на французском почтовом пароходе, почему-то окрещенном русским именем «Volga», царствовало напряженное уныние. Высокий, сутуловатый капитан, в форменной фуражке с давно почерневшими галунами и в каком-то истасканном кобеньяке, вроде старушечьей ватной кофты, расхаживал ожесточенными шагами по мокрой палубе так скоро, что можно было подумать, будто его громадные сапоги с раструбами, в которых до полбедрца исчезали его сухопарые ноги, происходили по прямой линии от семимильных предков, пользующихся такою громкою известностью в детских целого Света. Встречаясь с тем или другим из немногочисленных своих пассажиров, он бросал на него свирепый взгляд своих маленьких серых глаз, обросших со всех сторон щетинистыми седыми махрами. Впрочем, большинство путешественников попряталось по своим каютам и койкам, настойчиво усиливаясь отдохнуть после только что вынесенной передрыги. Но усилия их тем не менее не увенчивались вожделенным успехом. Мы плывем в волнах *Куросиво*, или «Черного потока», согревающего японские берега своими теплыми водами, но негостеприимного и капризного. Даже ничтожный противный или боковой ветер поднимает в нем невыносимую зыбь, и почти тропическое солнце этих мест обыкновенно оказывается не в силах пронизать своими лучами вечно носящиеся над ним туманы и мглу. Французская « Волга », неуклюжий, непомерно широкий и глубокий пароход с престарелой машиною, еле продвигается вперед, жалобно треща и кряхтя, перекидываясь во все стороны как-то без толку, точно он совершенно деморализован только что выдержанною борьбою и утратил в ней всякое сознание собственного достоинства и выдержку. Его сильно наклоненная труба утомленно пыхтит и сопит, покрытая почти доверху, как болезненными наростами, грязноватыми кристаллами морской соли. На борту колыхается, как труп висельника, на высоком крючке остов разбитой волнами шлюпки. Было 30 мая. Термометр на стене кают-компании как будто застыл на черте, намеченной «*temperature des verres a'oise*»", а anerоидный барометр в ближайшем соседстве с ним тычет заржавевшей стрелкою в полинявшую надпись «*Variable*»¹¹.

Все эти мелкие подробности замечаются мною с какою-то болезненною многозначительною машинальностью; а в душе такое настроение, как будто на свете вовсе не существует ни мая месяца, ни теплых дней; как будто с незапамятного времени тянется все один и тот же неприглядный Поприщинский день без числа и конца ему не предвидится в будущем. Местность кругом представляет подобие котла, наполненного густыми грязно-белесоватыми парами, на дне которого клокочет черная свинцовая масса. Глаз напрасно старается различить, что бы то ни было в этой мутной мгле, которая дышит на нас раздражающим холодом... Негостеприимны японские берега и своим вечным волнением и полумраком. Собственно этой их негостеприимности маленькая Япония и обязана тем, что она среди своих вечных междоусобий и смут никогда не знала иностранного завоевания. Многочисленная флотилия, которую Кублай-хан*¹² в два приема посылал для приведения в субординацию этих кичливых островитян, которые одни на всем

крайнем востоке осмеливались не подчиняться ему, потерпела печальную участь «армады» Филиппа II против Англии. Эти неудачи грознейшего из азиатских завоевателей упрочили в Китае за японцами репутацию неукротимости и непобедимости, которую они пользуются там еще и до сих пор; правда, с того времени они нередко обновляли и поддерживали ее своими смелыми нападениями на Корею. В XVI столетии, когда Испания и Португалия деятельно заботились об утверждении своего господства в этой части Тихого океана — так называемого «Средиземного моря будущего», — им, однако, и в голову не приходило захватить силою Японию, как были захвачены легче доступные Филиппинские острова: пришлось обратиться к ловкости иезуитов, которые, однако, в этом случае вовсе не оправдали своей макиавеллической репутации, а сами попались в просак и, обратив уже половину Японии в католичество²¹, должны были с позором бежать из нее, закрыв и другим европейцам доступ в нее на целых почти три столетия. Даже в новейшее время плавание между Гонконгом и Йокохамой считается одним из труднейших и опаснейших в морской практике целого Света. Парусные суда разбиваются ежегодно в большом числе о скалы и рифы вдоль южного берега Японии, и французский почтовый пароход «Нил», вышедший из Гонконга за несколько дней перед нашей «Волгой», пошел ко дну в шести часах от вожделенного конца своего плавания, разбившись о скалы близ мыса Иро. Из двухсот человек пассажиров и матросов, бывших на нем, спаслось чудом только пятеро. Крушение это, драматические подробности которого мы только что узнали в Сингапуре, произвело очень неприятное впечатление на всю нашу пароходную публику и немало способствовало угрюмому настроению, господствовавшему в нашем маленьком обществе. Впрочем, положение и само по себе было незавидное. Мы сбились с дороги, не видели солнца уже целую неделю и совершенно не знали, под какими широтами находится наш пароход.

Ветер подул свежее сверху; за нами на горизонте блеснула полоса красноватого теплого света; в то же время белесоватая дымка стала сгущаться перед нами, окрашиваться бархатистым сизым цветом, и неожиданно на близком расстоянии спереди и слева из волнистой воздушной массы выступили причудливые образы, в которых даже наши неопытные взоры легко угадали угловатые, капризные очертания прибрежных скал. «Волгу» притянуло поперечными течениями почти к самой оконечности полуострова Идзу, ограждающей с запада обширный залив Иедо²².

На рубке произошло смятение. Штурманский офицер с полинялою и как-то заржавевшею физиономиею парикмахерского помощника стремглав слетел с лестницы, на которую уже взбирались семимильные сапоги седого капитана, размахивавшего руками по направлению рулевым. Началось давно невиданное оживление, засуетились матросы — и воздух огласился отрывистыми восклицаниями на провансальском диалекте. Пассажиры вылезли из своих кают и бросились помогать матросам оттягивать и притягивать к борту пустые бочки, с помощью которых с грехом пополам приходилось управлять неповоротливым пароходом, так как руль еще не был исправлен. Из какого-то люка выглянула круглая, дурно выбритая физиономия в шелковой фуражке и с выражением объевшегося и невыспавшегося кота: ею обладал голландский негодник немецкого происхож-

дения, наживший в Японии большое состояние на мелких маклерских операциях и теперь просаживавший его на грандиозных коммерческих предприятиях, ради которых он постоянно рыскал из Йокохамы то в Париж, то в Лондон, то в Нью-Йорк, то в Марсель. Брянча шпорами, зашагал по палубе усатый французский вахмистр, ехавший обучать возрождающуюся японскую армию тонкостям европейской тактики, но так полинявший от бурь этого плавания и так закутавшийся всякими шарфами и куцавейками, что вид его скорее напоминал старую курскую богомолку, чем доблестного сына Марса. Длинною вереницею выступили один за другим 17 юных японцев, толкавшихся года три по казенной надобности по университетам и академиям Франции, Англии и Германии, и теперь неожиданно вызванных своим правительством. Их всю дорогу томила недоумение: зачем они могли понадобиться ему? Наиболее живые и восприимчивые из них успели кое-как освоиться с практикою европейских жаргонов и бильярдной игры. Этих томила неизвестность судьбы, ожидавшей их в отечестве, и тоска по бульварам. Но большинство с фаталистическим равнодушием восточного человека выносило и эту неизвестность, и морскую болезнь, пользуясь несколькими часами отдыха для чрезвычайно сложной игры с товарищами в японские шашки и пожирая в невероятном количестве ананасы, мангустоны и бананы, закупленные предусмотрительно в тропических портах. Один с отеческою заботливостью возился с огромною восковою куклою, купленную на выставке бульварного куаффера; другой вез в нарочно для того заказанном ящике какую-то трехтомную немецкую энциклопедию юридических наук издания 1827 г. и сладостно жмурил и без того узкие блестящие свои глазки, говоря со мною о вожделенном мгновении, когда обстоятельства позволят ему наконец приняться за чтение этого совершенно неудобоваримого труда, к которому он относился с религиозным благоговением. Роль запевалы в этом интересном для меня кружке моих спутников играл бывший капитан армии князя Нага то. Имея лет 26 от роду, он по праву первородства играл уже роль старейшины среди чрезвычайно юных своих товарищей; к тому же он порядочно научился болтать по-французски и говорить о всевозможных вопросах тоном, не допускающим возражения. Он не вез с собою решительно ничего, кроме шляпы от Gibus, разнообразной коллекции брелоков на шегольской цепочке и двух коленкорových полосатых рубаш. Его самого везли товарищи, купившие для него в складчину билет третьего класса, потому что он прокутил в Париже выданные ему на возвратный путь деньги; но это нисколько не умалило его авторитет. Вокруг меня егозил миниатюрный япончик чрезвычайно добродушного вида и необычайной на всем Востоке словоохотливости. Хотя, одетый, как и все, в европейское платье, он наружным видом своим и манерами очень резко отличался от остальных. То были все юноши из так называемого *самурайского*, т.е. служивого и шляхетного сословия, посланные своими феодальными князьями в Европу в видах приобретения там знаний и качеств, необходимых для будущих насадителей официального прогресса в своем отечестве. Тем временем сама феодальная система успела упраздниться в Японии; многочисленные эти стипендиаты оказались тяжелым бременем для министерства народного просвещения, которое и поспешило вызвать их из чисто экономических соображений поскорее домой. Гензиро, так назывался мой миниа-

тюрный приятель, был представителем совершенно иного, только что начинавшего зарождаться в Японии типа. Владелец небольшой лавочки красного товара в Йокохаме, он с подвижностью прирожденного Фигаро стал собственным умом кроить и шить европейские сюртуки и пиджаки для стремящихся к просвещению своих соотечественников и для мелких сошек международной колонии в Йокохаме. Нажив на этом деле несколько сот долларов, он стал заниматься маклерством по торговле шелковичными червями, составляющими один из главных предметов японского вывоза. Торговля эта ведется, с одной стороны, японскими мужиками, никогда не выдавшими в глаза ни иностранных своих покупателей, ни больших городов; с другой стороны — итальянскими и французскими коммивояжерами совершенно особой породы, известной под именем *грёнёров*. В ней особенно выдающуюся роль играют почему-то бывшие гарибальдийские офицеры и *declasses*²³ самого разнообразного сорта: люди разбитные, предприимчивые и блистающие нередко очень разнообразными талантами, но постоянно полнейшим невежеством во всяких торговых и промышленных делах. Как ни прост был мой Гендзиро, лет пять тому назад не знавший вовсе, что на свете существуют другие края, кроме богохранимой Японии и непобедимого Китая, векового источника порядка и цивилизации на весь свет, но и он скоро сообразил, что дело это ведется что-то неладно. С патриотической и маклерской вместе с тем целью устроить торговлю шелковичными червями на более рациональных началах он на собственный страх отправился в Лион и в Париж; успел попасть там в кружок авантюристов, которые в несколько месяцев оципали его дотла. В этом виде он возвращался теперь в отечество, везя в своей маленькой, лоснящейся и маслянистой, как каменный уголь, голове какие-то новые грандиозные проекты, всегда неизменно добродушный, деятельный, веселый, перемешивавший свою неумолкаемую японскую скороговорку дюжиною искалеченных и некстати употребляемых европейских слов. Почему-то особенно полюбились ему слова: *арифметика* и *ревматизм*, но он и в пятидесятидневное наше плавание не успел с основательностью узнать, которое из двух обозначает болезнь, а которое науку; о существовании и той и другой он впервые узнал во время своего эфемерного пребывания за границую.

При всем том Гендзиро этот был для меня драгоценнейшим собеседником и спутником. Едва ли существовал уголок в целой Японии, которого он не исходил пешком с котомкою за плечами, засунув вокруг пояса свой синий бумажный халат. От него я узнавал такие подробности и особенности японской жизни, которых невозможно было вычитать ни в каких книжках и о которых едва ли имели понятие японские же самураи, странствовавшие по парижским аудиториям и бульварам, или их начальники, устраивавшие в далекой империи Восходящего Солнца прогресс и централизацию по наполеоновским образцам. Лучшими часами моего плавания были тропические ночи, когда я, лежа на каком-нибудь тюке и следя глазами за полетом летучих рыб, носившихся неслышно над самыми нашими головами и мелькавших странными тенями на глубоком фоне неба, светившегося мириадами ярких звезд, слушал неумомимые росказни этого оригинального спутника. А волны плескались о могучие бока нашего парохода; в воздухе от времени до времени

проносились свежая струя, ласкавшая ее какую-то живительную негою утомленную непривычною жарою голову. Гендзиро, пользуясь ночью темнотою и послаблениями экипажа, обычными в далеких плаваниях, облакался для этих ночных бесед в коленкоровый белый китайский балахон и широчайшие штаны, надетые на его лоснящееся зеленоватое тело. С гибкостью обезьяны он устраивался в какой-нибудь невероятной позе и в первом попавшемся темном уголке и, неумоимо ковыряя руками что-нибудь, изливал свои несвязные, но всегда интересные для меня поучения.

Теперь он лоснился, словно смазанный свежим слоем знаменитого японского лаку. «*Такусан вару Ниппон-но у ми; нан токи дэмо варуй* (ужасно скверно Японское море²⁴; во всякое время скверно)», — егзил он вокруг меня, проникаясь при этих словах нарочитым чувством национальной гордости.

А между тем солнце выглянуло на западе из-за сгустившихся багровыми полосами тяжелых туч, и горизонт стал проясняться в других направлениях. Налево все яснее выступали причудливые утесы, изрытые волнами до значительной высоты и представлявшие самые фантастические сочетания цветов и форм при эффектном освещении заходящего среди туч южного солнца; а за ними разнообразною грядою тонули в синеющей мгле невысокие холмы, одетые густою, почти черною растительностью. Вправо обозначился явственно маленький вулкан Фрика (Vrics) на острове Осима, верх которого тонул в черно-сизой облачной тени; а на отлогой подошве его косые солнечные лучи вырисовывали резкие огненные блики.

Мы прошли в широкие ворота, которые сторожит, как волшебный замок, выступающий над черною рябью моря, Roch Island²⁵, круто повернули к северо-востоку, чуть не задевая скалы, о которые разбился злополучный «Нил», потопивший с собою произведения японского искусства, возвращавшиеся с венской выставки. Скалы эти то исчезали во влаге и в пене плескавшей через них волны, то обнажались снова, сверкая гладкою, скользкою своею поверхностью. Ветер стал спадать; море приняло вид маслянистой сморщенной поверхности, на которой догоравшие солнечные лучи вырисовывали порою огненно-золотистые полосы.

III

Ни свет ни заря Гендзиро уже хозяйничал на пароходной палубе, предпринимая энергические меры для отправки привезенных им из Европы товаров, наших чемоданов и меня самого; с самого подхода к японским берегам я как-то незаметно поступил в полное его распоряжение.

Красивые холмы, окаймляющие бухту Йокохамы, кутались в утренних облаках и производили приятное впечатление скромной красавицы в утреннем неглиже, неумытой и непричесанной, ищущей укрыться от постороннего взгляда. Картина была привлекательная, но не имела в себе ничего достопримечательного, сосредоточивающего внимание; только хвойные деревья, прозванные Кемпфером *японскими криптомериями*, — не то кедры, не то зонтикообразные сосны — выделялись странными живописными группами на общем фоне, поражали непривычный взгляд смелыми, угловатыми изгибами своих искривленных стволов и ветвей и придавали

целому пейзажу экзотический, непривычный оттенок. Криптомерии эти составляют характеристическую особенность японской природы и воспроизводятся местными художниками с замечательным чутьем правды и красоты на картинах, веерах, ящиках и подносах; короче, на всем том неисчислимом множестве предметов домашнего обихода, которые находят теперь громадный сбыт в Европе под собирательным именем *bibelots*²⁶.

Иокохамский рейд громаден сам по себе; но он в особенности велик сравнительно с ограниченными размерами заметного в нем движения. Правда, бойкое торговое время - время отправки чая и шелковичных червей - наступает только осенью; теперь же десяток или дюжина европейских судов, военных и почтовых, исчезли как чуть заметные пятна на его громадной светящейся поверхности, слегка колеблемой течениями и утренним ветерком. Совсем подле нас пыхтел, начиная дымить, один какой-то ливерпульский большой пароход залихватского вида. Ему странно противоречили японские кораблики с одною невысокою мачтою, с громадным своеобразным рулем, подымавшимся высоко над морскою поверхностью. Их крутые, сильно изогнутые бока посередине состоят из красивой деревянной решетки; на некоторых были подняты широкие паруса из циновки или из серо-рыжей ткани. Эти японские «*фуке*»²⁷, очевидно, не приспособленные к далеким плаваниям, были устроены, несомненно, по образцу китайских джонок; но они значительно отклонились от первоначального своего типа и представляют собой нечто в высшей степени оригинальное и архаическое, на взгляд несколько напоминающее галеры древнего Рима и Греции. Иностранца поражает, что все эти корабли не только построены по одному образцу, но еще и совершенно похожи один на другой даже по размерам. Впоследствии я узнал, что это однообразие постройки судов было предписано законами великого японского преобразователя, родоначальника последней династии наследных диктаторов (*сиогунов*), Токугавы Иэясу, по смерти причтенного к лику святых под именем Гонгенсамы. Смущенный успехами европейцев на Тихом океане и еще более интригами миссионеров в собственном своем отечестве, Иэясу первый задумал отделить Японию непроницаемою стеною от целого света. План этот был приведен в исполнение ближайшими его преемниками, сообразившими, что для достижения этой цели недостаточно было не пускать иностранцев в свои края, а надо было еще отвадить самих японцев от привычки к далеким плаваниям и пиратским подвигам в китайских морях, сильно развивавшейся в них в эпоху феодальных смут XIV и XVI столетий. Для этой цели было, конечно, всего основательнее позволить им строить только такие суда, на которых далеко уплыть невозможно. Даже плавая вдоль берегов, японские рыболовы и шкипера принуждены останавливаться на ночь в одной из тех бесчисленных бухт, которыми так богаты японские острова и которые очень часто невозможно отличить от озера. Вообще, приверженцам политики отчуждения и замкнутости следовало бы познакомиться с историею последней династии наследственных диктаторов Японии. Трудно вообразить себе что-нибудь более целостное и последовательное в этом отношении, чем тот законодательный кодекс, которым наградил богохранимую империю Восходящего Солнца сам Иэясу и его наследники. Европейская мысль органически неспособна придумать ту до

невозможности сложную и запутанную сеть всевозможных хитросплетений и мелочных регламентации, в которую блюстителю японского благонравия думали навеки уловить свою страну и охранить ее от всякого чуждого влияния. По сравнению с этим консерватизмом далекого востока какой-нибудь наш европейский меттерниховский макиавеллизм представляется школьническим упражнением, институтскою наивностью. А в итоге...

Впрочем, об итогах поговорим потом; а теперь громкие, размеренные крики — не то песня, не то стон, что-то очень сродное с пением волжских бурлаков — доносятся до моего слуха. К нашему пароходу подплывала лодка. Два японца гребли стоя, на манер венецианских гондольеров или лодочников Фирвальдштетского озера. Фигуры гребцов поражали своею живописною оригинальностью. Спереди - статный парень, совершенно нагой, за исключением каких-то полотенец, свернутых жгутами и с грехом пополам прикрывавших живот кругом пояса. Над его скуластой головой красовалась громадная круглая плоская шляпа в форме блюда, державшаяся на месте при помощи двух пар толстых шнурков, из которых два связывались у самых его губ большим бантом в виде бабочки. На его медно-красном стройном теле выделялись причудливые узоры белой, синей и красной татуировки: женские головы, драконы, цветы, окаймленные фантастическими арабесками с тем отсутствием симметрии, которое составляет отличительную черту японского декоративного искусства. Другой гребец был, наподобие старой бабы, повязан бумажным платком; темно-синие узкие штаны охватывали, как трико, его мускулистые ноги. Он был одет в короткую блузу или тунику из бумажной ткани, окрашенной в неизменный японский синий цвет с огромными белыми разводами. Одежда эта, составляющая как бы мундир японского плебея, напоминает общим своим покроем те фигуры, которыми мы любуемся на старых итальянских фресках. Здесь я имел случай сделать в первый раз замечание, которое подтвердилось потом всеми моими дальнейшими наблюдениями: японский чернорабочий люд живописностью одежды и красотой форм далеко превосходит средние и высшие классы народонаселения.

Из лодки вышли четыре пассажира в обыкновенных японских халатах, опоясанных внизу живота широким поясом. Отступление от традиционного национального убранства замечалось в них только в том, что волосы на их головах, остриженных коротко, были причесаны по-европейски, а *la Titus*: при первом же знакомстве с Европою вся молодая Япония отказалась почти как один человек от своей национальной мудреной и некрасивой прически.

Пассажиры эти оказались братьями и приказчиками Гендзиро, явившись приветствовать его тотчас по возвращении из далекого путешествия. Они изгибались под прямым углом, приседая и приложив ладони к коленям. Несколько раз проделали эту гимнастику, втягивая ртом воздух с захлебыванием и потом выпуская его с шипением, похожим на угрозу расвирепевшей гусыни. Затем каждый из них, оставаясь в согбенном положении, говорил гнусливою скороговоркою очень длинную речь, состоявшую, по-видимому, из заученных наизусть причитаний и пожеланий. Напрасно напрягал я внимание и слух, чтобы уловить что-нибудь из этого длинного приветствия: с трудом долетало до меня из него порою то тут, то там одно понятное выражение или отрывочное слово. Пришлось убедиться на

опыте, что тот литературный язык, которому обучал меня в Женеве японский генерал и которым говорят в парадных случаях или на собраниях в высшем обществе, мало имеет общего с тем иокохамским говором, который мне приходилось теперь слышать вокруг себя. Кстати замечу, что американские миссионеры и английские посольские переводчики, первые начавшие писать о Японии со времени революции, приобщившей ее к хору живых современных народов, почерпнули свои филологические познания через маклеров, мелких купцов, лакеев и тому подобного серого люда портовых городов, преимущественно Йокохамы и Иедо²⁸. Вследствие этого в европейских литературах установился теперь такой способ записывания японских слов и собственных имен, который очень часто делает их решительно непонятными для среднего образованного японца. К счастью, еще говор Йокохамы и Иедо не очень сильно уклоняется от среднего японского языка; говоры западной части Японии гораздо труднее и требуют, даже от японцев, совершенно специального изучения. Лучшим японским наречием считается то, которым говорят в прежней императорской столице Киото или Сайкво; этим же наречием говорят во всей северо-восточной половине Японии, которая заселилась в сравнительно позднейшие времена выходцами из всех других областей и провинций. Под опасением вовсе не понимать друг друга эти японские колонисты по обе стороны Сангарского пролива должны были научиться говорить одним, средним, всем им общим языком. Впрочем, в отношении языка, как и во всех других отношениях, Япония представляет такие усложнения и тонкости, о которых нелегко могут составить себе понятие люди, вращавшиеся в одной только индо-европейской или семитской среде. Китайская грамота недаром слывет по всему свету за образец чего-то донельзя головоломного, неудобоваримого, тяжеловесного. Япония в течение около полутора тысяч лет только и видела света, что в китайском окошке; в его демократическо-централистском строе она видела идеал всякого политического и общественного благоустройства, будучи самою природою устроена для того, чтобы быть по преимуществу страной маленьких автономных федераций. Отличаясь подвижным, восприимчивым умом, легким, остроумно-игривым нравом, японцы в течение долгих веков вгоняли себя в колодки академической китайской учености и пресной философии конфуцианцев. Этот прививной Китай на совершенно чуждом ему и глубоко самобытном стебле японской первобытной национальности разросся таким чудовищным цветком, подобия которому мы напрасно стали бы искать в культурной истории целого света. В настоящее время многие глубокомысленные европейские ученые и мудрецы позитивистского пошиба угрожают Японии всякими бедствиями за то будто бы легкомысленное увлечение, с которым она принялась прививать к себе европейские нравы, обычаи и порядки; толковые же японцы (а таких я встречал немало) понимают ясно, что зло идет с несколько иной стороны: для того чтобы стать годною к жизни и к развитию при новых условиях, Япония прежде всего должна освободиться от китайщины, пронизавшей ее насквозь во всех отношениях, а для этой внутренней переработки требуются долгие годы. Возвращаясь к тому замечанию о японском языке, которое, собственно, и завлекло меня в это долгое отступление, замечу, что японская, даже обыкновенная, речь вмещает в себе почти всю китайщину, переваренную к

тому же крайне оригинальным образом. Китайский язык в Японии вовсе не то, чем была кухонная латынь в средневековой Европе. Китайские слова, китайские метафоры, китайские понятия составляют живую и притом обыкновенно главнейшую часть живой японской речи всех классов населения. Коренным японским языком, т.е. старым *ямато*²⁹ (в отличие от китаизированного *Хиннон*³⁰), говорят здесь только в особенно торжественных случаях при императорском дворе, в синтоистских молитвенниках и храмах и по странному, на первый взгляд, но легко объяснимому (как ниже окажется) совпадению в многочисленной корпорации проституток. Во всех без изъятия других случаях в ход идет вышеупомянутая мешанина японского (ва)³¹ с китайским (кан)³², допускающая бесконечную градацию степеней и оттенков. Можно без преувеличения сказать, что японцы каждого сословия говорят своим особым языком, требующим по крайней мере от иностранца особого изучения. Независимо от местных особенностей *самураи*, т.е. шляхетное, и *Якунины*, т.е. служилое, сословия, говорят здесь не так, как говорят купцы или работники; язык же этих сословий в свою очередь отличается очень существенно от языка крестьян в каждом бывшем феодальном княжестве или области. Один и тот же японец говорит несколько различным языком, обращаясь к лицам своего или чужого ему сословия. Мужчины с женщинами разговаривают иначе, чем женщины говорят между собой. Нечто подобное сохранилось отчасти в бискайском языке, но только в значительно слабейшей степени.

На палубе французского парохода «Volga», прощаясь с ним, мне в первый раз пришлось слышать японских купцов, разговаривавших между собой. В отдельности, я без большого труда мог бы объясниться с каждым из них при помощи того среднего языка, которому я заблаговременно подучился в Европе; но здесь им было дело не до меня, и они, и сам Гендзиро были совершенно поглощены вышеописанною встречей. Поражало в ней отсутствие не только всяких излишней, но и какой бы то ни было задушевности. Ритуал с шипением, захлебываниями и причитаниями длился добрых четверть часа. Несмотря на свой европейский костюм, Гендзиро точно так же приседал, изгибался, придерживая колени ладонями, захлебывался, шипел, но не причитывал. Затем разговор их сразу принял самый обыденный оборот, как будто всего каких-нибудь полчаса тому назад они мирно обделывали свои маклерские и торговые дела в большой лавке на главной улице японского квартала Йокохамы.

Очень скоро два рысистых японца в синих нагрудниках и коротких голубеньких штанах, сшитых по образцу тех, в которых обыкновенно щеголяют калабрийские разбойники на балетных сценах, действительно, прикатили нас к воротам этой лавочки. *Зинриксвья*³³, т.е. тележки или, точнее кресла, на двух колесах, заменяющие извозчиков на японских улицах и больших дорогах, составляют одну из тех особенностей Японии, о которой писали путешественники. Замечательно, что сами японцы считают, однако же, эти *зинриксвья* одним из удобнейших подарков, сделанных им заморскою цивилизациею. Ни самые эти тележки, обтянутые обрезками европейской фланели и каемками от сукна, ни способ запрягать в них людей не имеют в себе решительно ничего японского. До прибытия сюда иностранцев громадное большинство японцев никогда не путешествовало иначе, как пешком. Экипажей, ни даже простейшего устройства телег здесь вовсе не существовало, а право ездить верхом составляло ис-

ключительную привилегию избранных лиц из военного сословия. Именитые люди иного звания заставляли себя носить в крайне неудобных ящиках с крошечными окошками, в так называемых *нуримоно*³⁴, отделанных с большой щеголеватостью и покоящихся на плечах целого взвода самураев при саблях и с обнаженными коленями. Для горных экскурсий существовали более легкие носилки в виде плетенки, привешенной на бамбуковом шесте, очень употребительные еще о до сих пор под именем *каго*... С появлением европейцев какой-то спекулятор задумал устроить специально для них эти маленькие колясочки, сперва только в открытых портовых городах. Нововведение это встретило необычайный успех, и в настоящее время такие *зинриксвя* составляют самые распространенные средства передвижения в целой Японии. В числе двуногих рысаков, за 25 японских *зени*³⁵ (американских центов) в час впрягающихся в этот странный экипаж, в особенности в Иедо, мне указывали несколько *сизоков*³⁶ т.е. именитых дворян, лишенных революцией 1868 г. даровых хлебов и не приговоренных воспитанием ни к какому более почетному и более производительному занятию.

В это же утро мне пришлось быть свидетелем другой японской семейной встречи. Растянувшись на золотистых циновках, заменявших ковры и мебель, в салоне над лавочкою неизменного Гендзиро, я с любопытством наблюдал, как мой юркий амфитрион постепенно вылезал из сложных доспехов европейской цивилизации, заменяя их традиционным длинным халатом, кушаком и кофтою из дорогой шелковой материи; причем наружность его принимала более благообразный и почтенный вид. По крутой лестнице без перил раздались шлепающие шаги босых ног, раздвинулась бумажная стена, разрисованная летающими птицами и букетами, оказавшаяся подвижною перегородкою, и в комнату стремительно вбежала пожилая уже женщина, рябоватая, в набойчатом халате, одетом на голое тело и дважды опоясанном: красным кушаком под грудями и тонкою лентою вокруг бедер. Это оказалась сама хозяйка дома, мадам Гендзиро. Она бухнулась на колени перед своим супругом, казавшимся моложе ее по крайней мере лет на десять, и, потирая открытыми ладонями свои бедра, принялась за поклоны с шипением и причитаниями. За спиною ее мальчик лет шести и девочка — четырех, с головами, обритыми как у католических монахов, но с чубами в виде кисточки на затылке, косились на меня, но скоро приняли за поклоны с коленопреклонениями, подражая матери. Гендзиро, торопливо присев на корточки и кланяясь лбом до земли, с достоинством принимал эти семейные приветствия, длившиеся добрых четверть часа. Затем супруга вскочила быстро, исчезла снова за перегородкою, уведя с собою детей, через несколько минут вернулась с чаем, с двумя чашечками бульона из кусочков мяса акулы, с тарелкою розовых, зеленых и лиловых сладких пирожков и морского рака с японским вином и с лубочною коробочкою пастилы из тертого гороха с сахаром.

IV

Йокохама интересовала меня очень мало; единственной ее достопримечательностью, кроме красивого местоположения, считается храм Бентен, китайско-японской богини моря и плодородия, в честь которой здесь справлялся прежде

фаллико-гисторический культ, несколько лет тому назад запрещенный полицией. Но мне в эту минуту было не до достопримечательностей и даже не до культов...

Еще дорогою, в Сингапуре, из английских газет и из слухов я успел узнать, что попаду в Японии в очень затруднительное положение - плод отчасти моего собственного легкомыслия, отчасти же совершенно неожиданных политических случайностей и усложнений. Меня тянуло поскорее в Иедо, чтобы основательно узнать, насколько плохо мое положение и какая представляется возможность выпутаться из него. До сих пор мне было достоверно известно только то, что с возвращением кругосветного посольства в Японии вспыхнула революция. На номинального главу посольства Ивакуру было сделано ночное нападение. Израненный несколькими сабельными ударами, он успел однако же выскользнуть из своей кареты и скрыться во рву, у стены иедоского замка; ползком, чуть живой, добрался он до первой гауптвахты. Теперь он лежал при смерти, ни с кем не видясь и не вмешиваясь ни в какие дела³⁷. Политические убийства в Японии с давних пор были возведены в систему, но обыкновенно нападающие в таких случаях или распарывают себе животы на месте покушения, оставив объяснительную записку, или же отдаются в руки властей. На этот раз не было сделано ничего подобного; убийцы оставались неоткрытыми, и в публике и в газетах ходили самые нелепые и невероятные слухи на этот счет.

Председателем государственного совета (*садайзин*)³⁸ был назначен регент Сацумского княжества Симадзу Сабуро³⁹, прославившийся на весь свет тем, что по его приказанию был убит молодой англичанин Ричардсон⁴⁰, осмелившийся верхом, между Иедо и Йокохамою, загородить дорогу грозному японскому магнату. Симадзу, смело приняв на себя вину, отказался тем не менее дать британскому посланнику и родственникам убитого какое бы то ни было удовлетворение и вел на свой счет войну с Англиею. Англичане захватили принадлежавшие сацумскому князю (т.е. ими же проданные ему) пароходы и разгромили его столицу Кагосиму. Симадзу принужден был капитулировать; но и тут отказался наотрез выдать англичанам своих самураев, убивших Ричардсона. «Они исполняли мое приказание, а потому и не заслуживают наказания», - отвечал он английскому адмиралу. «Впрочем, я тогда же приказал им бежать, и теперь не знаю сам, где они скрываются. Я мог бы вместо них выдать вам каких-нибудь негодяев из Кагосимской тюрьмы; но я не унижусь до такой лжи. Виноват во всем я один; я же побежден; делайте со мною, что хотите». Центральное правительство приняло на себя обязательство выплатить английскому правительству огромную контрибуцию, которою было обложено Сацумское княжество. На все требования наказать Симадзу правительство отвечало, что оно не может сделать этого, так как по существующим в стране законам он был прав; но в виде смягчения было прибавлено, что законы эти, очевидно, не отвечают духу нового времени, будут немедленно упразднены. И действительно, в 1873 г. феодальные князья были окончательно медиатизированы⁴¹ и лишены всякой власти в своих владениях. Сами княжества их были поделены на департаменты по французскому образцу, и по всей империи были разосланы губернаторы (*кенрей*), подведомственные министерству внутренних дел и государственному совету. Теперь назначение этого самого Симадзу главою правительства имело,

действительно, вид вопиющего бегства вспять с преобразовательного пути, или, по крайней мере, открытого вызова европейским правительствам. Симадзу славился как ненавистник Европы, христианства и новых порядков. Принимая должность садайзина, он не только упорно отказывался надеться в новый мундир, ставший обязательным для чиновников и сановников, но он даже в зале государственного совета появлялся не иначе, как несомый в классическом *норимоно*¹¹, на плечах дюжины самураев с обнаженными коленями и с двумя саблями за поясом и усаживался на циновках на полу, подле своего председательского кресла.

Во время нашего плавания в Сага, главном городе Хазинского княжества, вспыхнуло вооруженное восстание, которое вскоре было подавлено войсками. Иедоское правительство обнаружило при этом случае жестокость, не предвещающую ничего хорошего и произведшую по всей стране очень невыгодное впечатление. Не только главные, но и некоторые из второстепенных вождей восстания, в том числе несколько юношей, только что возвратившихся из школ Америки и Европы, были казнены. Мертвые их головы были сфотографированы в большом формате и выставлены у позорных столбов во всех губернских городах. Это неожиданное применение европейской светописы к старым монгольским нравам, давно уже отжившим свой век даже в Японии, возмущало всех. Виновниками этой кровавой расправы (не зная - основательно или нет) считали Ивакуру и Окубо⁴¹, который, оставаясь министром внутренних дел отстранился от прежних своих друзей и занимался устройством обязательной воинской повинности и стеснительных законов против только что зарождающейся японской прессы.

Я уже сказал, что был приглашен в Японию для устройства в новой имперской столице (Иедо, или Токио) школы для детей Сацумского княжества, выходцы из которого играли решительно первенствующую роль в революции 18(0)8 г., имевшей результатом окончательное обращение этой страны на путь европеизма и политического прогресса. Большая часть видных правительственных деятелей были сацумцы, они, вполне естественно, перетасили за собою в столицу неисчислимую рать своих друзей, родственников и соотечественников, успевших так или иначе приютиться на счет государственного бюджета. Признанным вождем и душой колонии сацумцев в Иедо был военный министр Сайго⁴⁴, которого я лично не знал, но который в действительности должен был быть единственным моим начальником и патроном. Незадолго перед моим приездом в Йокохаму Сайго, недовольный тем оборотом, который приняла японская политика под руководством Ивакуры и Окубо, вышел в отставку и уехал в Кагосиму, на крайний юго-запад Японии, где и зажил мирным гражданином чуть что не в нищете, гордый тем, что, управляя судьбами империи почти самовластно в течение пяти лет, он вернулся к своим рисовым полям и камфарным плантациям более бедным, чем уехал оттуда. Сайго старший слыл за лучшего предводителя японского рыцарства в его позднейшем развитии и пользовался громадною популярностью в целой стране. Его отъезд сильно волновал умы в столице и в провинции. Довольно вероятно, что ночное покушение на Ивакуру было мстью фанатических самураев за его разрыв с Сайго; но не невозможно также и то, что убивали Ивакуру друзья казненных хизенских инсургентов: по крайней мере

правительство признало наиболее удобным для себя пустить в ход именно это толкование сенсационного события...

Все свои переговоры с японцами в Европе я вел исключительно на словах, без всякой официальной обстановки и без посторонних свидетелей. Провожая меня на марсельский пароход, мой женеvский учитель и ученик, — близкий родственник военного министра, бывший тогда еще в полной силе, — снабдил меня очень подробной инструкцией и толстым письмом на имя младшего брата Сайго⁴⁰. Он только что успел отстроить себе в одном из загородных кварталов Иедо дачу по европейскому образцу, в которой и предлагал мне очень радушно занять уголок, по крайней мере на время моего пребывания в Японии. Дом его был средоточием всего кружка, с которым мне приходилось иметь дело по обязанностям службы; а потому мне и нечего было заботиться о рекомендательных письмах и адресах. Но еще в Гонконге я услышал, что этот младший Сайго был назначен главнокомандующим экспедиции, которую японское правительство принуждено было послать на Формозу для укрощения тамошних горцев, которые незадолго перед тем убили японских рыбаков, задумавших искать у их берегов убежища от бурь, очень часто свирепствующих в этих водах⁴⁶. В Йокохаме носился слух, будто экспедиция эта уже отплыла из Нагасаки, и я далеко не был уверен, что застану своего знакомого, но разумного предполагаемого амфитриона в японской столице.

Всего томительнее в этом положении была полнейшая неизвестность, невозможность ориентироваться в нем. Я знал отрывочные факты, не имевшие в себе ничего успокоительного; но я сознавал полнейшую свою неспособность связать эти разрозненные факты между собой, сделать из них какое-нибудь идущее к делу обобщение. Чем больше я читал, в Европе или дорогою, газетных статей и глубокомысленных соображений наших туристов, негoциантов и дипломатов о японских делах, тем менее я был способен понимать что бы то ни было в этих делах вообще и в японской революции 1868 г. в частности. Мне было ясно, что та каша, которую мне теперь приходилось расхлебывать, была непосредственным продолжением этой революции, вытекала естественно и последовательно из нее; а между тем в моих представлениях о самой этой революции обнаруживалось какое-то вопиющее фундаментальное противоречие. По показаниям таких авторитетных свидетелей, как Линдау, Гюбнер, Бускэ и пр., оказывалось, будто вся революция вспыхнула из-за того, что наследственный диктатор, или сегун, заключил торговые договоры с иностранцами и тем нарушил одно из основных законоположений мудрого Гонгэн-самы⁴⁷. Противоевропейская партия победила⁴⁸. Наказан был не виновный диктатор (который успел заблаговременно умереть) и не последний преемник его, князь Мито-хитоцубаей⁴⁹, а упразднено было самое учреждение наследственных диктатур, существовавшее в Японии с VI столетия³⁰. Легко было понять, что реакционная партия, победившая внутреннего противника, не имела однако же силы разорвать договоры с иностранными державами, имевшими свои хорошо вооруженные флоты в японских водах. Но оставалось совершенно необъяснимым то, что победившие эти реакционеры с самого же своего начала на политическом поприще затевают нечто такое, о чем их предшественники не смели или не хотели даже и мечтать, т.е. замышляют обратить в европейскую страну самую Японию. Европейские журналы, правда,

распутывали этот гордиев узел а 1а Александр Македонский, приписывая либеральные преобразования империи Восходящего Солнца воле ее нового молодого императора Муцухито⁵¹, в котором они видели своего рода Петра Великого.

Но при самом поверхностном знакомстве с японскими делами принять подобное толкование было решительно невозможно. В этой загадочной стране уже спокон века и живший в Киото император, и даже в значительном большинстве случаев имевший свою столицу в Иеде военный диктатор (сегун) не имели почти никакого политического значения, не обладали материальной возможностью располагать по своему усмотрению судьбами народа и государства. Одно было совершенно ясно для меня, а именно, что мы вообще были слишком склонны преувеличивать значение американского и европейского вмешательства в японские дела. В действительности же здешнее преобразовательное движение шестидесятых годов, до сих пор не установившееся и не успевшее еще улечься в окончательные формы, было, главнейшим образом, продуктом чисто местным — эпилогом исторической драмы, которой предыдущие акты были нам известны слишком неполно и неточно из работ Кемпфера, Клапрота, Зибольда и Гофмана...

В Йокохаме мне решительно не к кому было обратиться за разъяснением этих волновавших меня вопросов. Семнадцать японских студентов, возвратившихся со мною вместе, сами были сбиты с толку и ходили как потерянные. Словоохотливый Гендзиро, очевидно, избегал всяких политических разговоров и проникался лицемерным почтением и преданностью каждый раз, когда ему приходилось, хотя бы случайно, произносить имя какого-нибудь из власть имущих. Я было порешил вовсе не терять времени в Йокохаме, а отправиться в Иеде с первым из поездов, которые в течение целого дня ходят между новою столицей и этою ее гаванью каждый час. Но Гендзиро так настойчиво не соглашался отпускать меня одного, что я поневоле должен был дать ему хоть двадцать четыре часа срока.

Я решил воспользоваться этим временем, чтобы повидать кое-кого из европейских коммерсантов, к которым у меня имелись рекомендательные письма и от которых я надеялся получить не лишние для меня указания и сведения, так как все они уже подолгу жили в этой для меня совершенно новой стране.

В Йокохаме существует целый европейский город с правильными, широкими улицами, с небольшими, но красивыми домами, имеющий, однако, непривлекательную и довольно безличную физиономию колониальных городов вообще. Но в этом европейском городе живут только мелкие сошки здешнего торгового мира. Каждый мало-мальски солидный — или желающий слыть за такового — негодичант считает первую своею обязанностью обзавестись виллою на красивом, поросшем густою растительностью холме над городом, представляющем действительно очень привлекательную резиденцию, известную под названием «Bluff». В городе помещаются только конторы, магазины и гостиницы. Очень часто на устройство дома на «Bluffe», на заведение фаэтона с парю рысистых корейских пони и верховых лошадей, а также гарема из узкооких *мусуме*⁵² и целого сонма прислуги тратятся уже все деньги, так что торговлю, собственно, приходится начинать в кредит или на фуфу. В первое время, тем не менее, здесь очень быстро наживались

довольно крупные состояния. Одним из невинных источников скорого обогащения была здесь торговля серебром, которое ценилось японцами непропорционально дорого по сравнению с золотом. Но и это незамысловатое дело оказалось по плечу сравнительно очень немногим. Значительное большинство предпочитало спекулировать на японскую наивность и на обаяние, которое в первое время европейцы внушали этим впечатлительным и доверчивым сынам крайнего Востока. Некоторым счастливым удалось получить от правительства заказы на пароходы, пушки или т.п. Золотым дном для искателей приключений стало существование в Японии неисчислимого множества маленьких удельных дворов и кровавых междоусобий, в которых находилась страна во время открытия ее иностранцами. Иной приказчик из обанкротившейся конторы в Сингапуре, в Калькутте или в Америке являлся в Йокохаму без гроша денег за душою, без связей, без сведений, без кредита. С первых же дней своего странствия по биллиардным и кофейным европейского города благосклонная судьба сводила его с агентом какого-нибудь провинциального князька, задумавшего вооружить свои войска по-европейски. Японец, сбитый с толку никогда не виданными им физиономиями, зданиями и порядками, при помощи какого-нибудь неудобопонятного переводчика обращался к первому встречному с просьбой удовлетворить желание своего князя. Европеец с покровительственным видом принимал заказ на баснословные количества ружей, пушек и амуниции. Деньги платились вперед четырехугольными золотыми кобанами³³ без лигатуры. Наиболее добросовестные передавали заказ солидным торговым домам, ограничиваясь скромным барышом в двести или триста процентов. Находились, конечно, и такие, которые, получив деньги вперед сполна, забывали о князьях, о ружьях и о Японии. В большинстве случаев, впрочем, сам владетельный князь бывал убит в сражении, распарывал себе живот или прогорал иным образом, прежде чем заказанные им доспехи успели бы доплыть из Европы к его владениям... С упразднением феодального строя такие источники внезапных обогащений иссякли внезапно и бесследно. Страна, не особенно богатая ресурсами в обыкновенное время, истощенная к тому же внутреннею неурядицею, решительно не представляла удобного поприща для грандиозных спекуляций. А между тем привычка загребать деньги лопатами, вести свои дела на основаниях бешеной, азартной игры успела укорениться у европейских просветителей Японии. Доверие к европейскому имени в Японии скоро исчезло совсем; в то же время и доверие к японскому шелковичному семени и к японским шелкам стало быстро подрываться на европейских рынках. Время сказочных обогащений прошло, наступило время ежедневных банкротств, умышленных поджогов застрахованных в высокой цене фиктивных грузов. Были, конечно, в Йокохаме солидные торговые дома - почти исключительно отделения известных коммерческих фирм, имеющих главным полем действия порты Китая. Но японские рынки были уже наводнены европейскими товарами, распродаваемыми с аукциона по невероятно низким ценам и скупаемыми мелкими китайскими и японскими промышленниками. Целые полчища терпеливых желтолицых купцов, с несколькими грошами в кармане проводили целые дни в выискивании ликвидации, устраивали стачки между собой, благодаря корпоративному духу, так сильно развитому на всем

китайском востоке, и нередко приобретали европейские товары по цене, не покрывавшей даже издержки перевозки...

В таком неавантажном виде застал я европейскую колонию в Йокохаме. Те немногие из ее представителей, которых мне привелось видеть, казались совершенно поглощенными приискиванием той балки или того крючка, на которых им всего удобнее повеситься. Япония и все японское, кроме желчного озлобления, не возбуждали в них решительно ничего. Некоторые из них, правда, волновались экспедициею на Формозу⁵⁴, смутно ожидая от нее хоть некоторого возрождения золотого века ружейных заказов; но и о ней ходили совершенно легендарные слухи в этой своеобразной среде, мало возбуждавшей во мне желания продлить свое кратковременное и поверхностное с нею знакомство.

V

Железная дорога между Йокохамою и столицею была еще в это время новостью, но движение по ней было уже действительно изумительное, что объясняется как чрезвычайно густой населенностью этой местности, так и необыкновенно подвижным характером японского населения, по крайней мере в этой центральной части империи. Едва ли где-нибудь в другой стране так наглядно обнаруживалась способность, присущая некоторым железным дорогам, создавать движение. Постройка этой первой японской линии не встретила ни одной из тех многочисленных трудностей, которыми железно-дорожное дело обставлено еще и до сих пор в Китае: там единственная ветвь, построенная несколько лет спустя в одном из самых бойких мест, между гаванью Хоангпу (Wampoa) и Шанхаем, была тотчас же по окончании куплена правительством и разрушена с большими жертвами, так как существование ее оказывалось почему-то несообразным с головоломными соображениями и требованиями того своеобразного кодекса правительственных и народных суеверий и предрассудков, который известен под общим именем *фунь-шуй (ветры и воды)*. В Японии не приходилось принимать в расчет никаких подобных соображений и требований. Постройка железных дорог по инициативе правительства и на средства государственного бюджета встречала, правда, и здесь довольно многочисленных противников. Довольно вероятно, что некоторые из них руководились в своей оппозиции страхом перед нововведениями и заимствованиями у иностранцев, присущим консерваторам не на одном только крайнем Востоке; тем не менее они мотивировали свое недовольство не какими бы то ни было *фуньшунными* соображениями, а доводами, может быть, и не основательными в конце концов, но, во всяком случае, заслуживавшими серьезного обсуждения. Так, например, с их стороны ставилось на вид, что Япония, при своей территориальной ограниченности, обладает уже дешевыми морскими путями сообщения и целыми системами судоходных каналов, существующих уже по меньшей мере больше двух веков; пути эти, конечно, не имеют удобства железнодорожных линий, но зато перевозка по ним стоит очень дешево; а это составляет немаловажное преимущество в стране, вообще небогатой продуктами ценными, нуждающимися в быстрой перевозке и способными окупать ее издержки. Ставилось

на вид, что государственная казна уже и без того сильно истощена междуусобиями, преобразованием армии и флота, созданием многочисленных высших школ, контрибуциями, вроде тосацумской, о которой было уже говорено, и т.п. Постройка железных дорог по правительственной инициативе иностранными инженерами не могла не обойтись стране слишком дорого, тем более что весь материал, в том числе самые рельсы, приходилось получать из-за границы, а между тем привоз заграничных товаров в первые годы японского возрождения и без того уже превышал вывоз в ужасающих размерах, и курс японских бумажных денег быстро падал до десяти и даже до двенадцати процентов своей номинальной стоимости.

Надо было бы слишком хорошо знать местные японские условия для того, чтобы судить, насколько были основательны подобные возражения; но легко было убедиться и с первого взгляда, что эти японские возражения против постройки железнодорожных линий между некоторыми главными пунктами, наперед намеченными правительством, не имели общего с тою суеверною косностью, которую мы вообще привыкли встречать в странах отсталых, неожиданно очутившихся лицом к лицу с чуждою и непонятною им цивилизацией. Правительство не стеснилось подобными возражениями, и фактический успех очень скоро оправдал его, по крайней мере на этот раз, перед общественным мнением, с которым ему приходится считаться гораздо более, чем думают те, которые судят о японских делах из европейского далека, на основании предвзятых мнений об отсталости страны и о деспотическом характере всех азиатских правительств огулом. Товарное движение по Иедо-Йокохамской железной дороге до сих пор еще не приняло больших размеров, благодаря главнейшим образом кризису, который тяготеет над всею торговлею крайнего Востока в течение последних восьми или десяти лет; но количество путешественников с самого начала стало громадным. У японцев, как у всех южан вообще, сильно развита руместановская жилка пристрастия ко всему необыкновенному, новому, заслуживающему удивления и бросающемуся в глаза (у них даже существует непереводаемое название для всяких подобных явлений: кембуцу⁵⁵). Только что открылась здесь первая железнодорожная линия, толпы шли, сперва чтобы только поглазеть на невиданное никогда зрелище, но мало-помалу являлось естественное желание прокатиться на этом странном механизме, движимом неведомою силою. Конечно, этого одного было еще очень недостаточно, чтобы установилось сколько-нибудь солидное пассажирское движение; но не следует забывать, что эта местность населена гуще, чем самые многолюдные округа Бельгии или Ломбардии. Кроме того, Иедо с самого своего основания Гонгенсамою в начале семнадцатого столетия всегда было центром всевозможных производств и всякого бродячего народонаселения. С другой стороны, вся заграничная торговля Японии с каждым годом стала все больше и больше сосредоточиваться в Йокохаме, которая теперь уже окончательно затмила собою все другие открытые японские порты. Этому одинаково способствует и ее соседство с столицею, и ее сравнительная близость к главным производственным округам империи. Огромная низменность, окружающая иедоский залив (прежде составлявшая провинции Мусаси и Симоса), одна производит ежегодно почти столько же риса, сколько вся остальная Япония, взятая вместе. Округи шелковичного

производства лежат, правда, несколько дальше к северо-востоку, и для них более естественною гаванью пред-полагалась Ниигата. Но этот порт, лежащий вне большой торговой и почтовой кругосветной дороги, мало посещается иностранными судами; к тому же он слишком неудобен по причине мелководья. Те же неудобства представляет и Осака, которой географическое положение, однако, гораздо выгоднее: Холмы Киная⁵⁶, производящие в изобилии лучший японский чай, серебряные рудники Икуно, медные копи и мраморные ломки Иосидо, стальные фабрики бывших областей Санъин⁵⁷ и Санъиодо⁵⁸, не считая других второстепенных производств, лежат в более или менее непосредственном ее соседстве. А потому Осака одна и соперничает еще до известной степени с Йокохамою, особенно с тех пор, как железная дорога, соединявшая ее с портом Хаю-Кобе, продолжена до бывшей столицы Киото и даже немного дальше на восток до большого центрального озера Бива. Что же касается до других открытых японских портов, то некоторые из них (Ниигата, Нагасаки) уже добровольно почти все покинуты иностранцами. Международная торговля не потеряла бы ничего от их закрытия, так же как и от закрытия Хакодате; но относительно этого последнего японское правительство само старается всеми мерами привлекать туда всякие местные и иностранные суда, в видах оживления почти пустынного северного острова Иезо, или Хоккайдо, над заселением которого оно очень деятельно и, надо сознаться, очень умно работает в течение уже целого десятилетия, не щадя издержек на тщательное расследование его во всех направлениях иностранными учеными и инженерами.

Постройка Иедо-Иокохамской железной дороги обошлось дешевле, чем следовало ожидать, судя по тому, что дело это велось исключительно англичанами и что со стороны японского правительства возможен был только номинальный контроль над работами. Правда, местные условия крайне благоприятны для такого предприятия. Вся линия идет почти по ровному морскому берегу, вдоль наилучше устроенной части главной японской большой дороги, известной под именем «Токайд»⁵⁹. Станции устроены на европейский лад, без всякой роскоши, но притом, к сожалению, и с безвкусицей, отличающим все известные мне европейские постройки в Японии. Зато миниатюрные вагоны, почему-то устроенные в размерах, значительно меньше тех, которые употребительны в Европе, приятно поражают чистотою и щегольскою отделкою: в этом строящие их англичане усвоили себе вполне удачно японскую национальную склонность к миниатюрности и изяществу.

Многочисленная толпа, теснившаяся в вокзале и в вагонах, представляла интересное и совершенно новое для меня зрелище. Вамбери, большой знаток мусульманского Востока, замечает, что яркость красок и пестрота, поражающая европейский взгляд в Константинополе, в Бейруте или в Каире, исчезают по мере того, как мы подвигаемся вперед навстречу восходящему солнцу. В Японии мы достигаем крайнего предела в этом отношении: отсюда, плывя дальше на восток, можно уже попасть только на крайний запад, в Калифорнию. Зато же я нигде не встречал такого бесцветного однообразия покроя и окраски одежд, как в Японии. Верх здешнего щегольства заключается в том, чтобы подобрать целую гамму из оттенков какого-то мучного, не то сероватого, не то рыжеватого цвета, напоминающего паутину. В толпе, которая

теснилась в вокзале иокохамской железной дороги, таких щеголей было мало. В ней преобладал решительно демократический, третьеклассный характер. Во всякой другой стране ее следовало бы назвать в полном смысле слова «серую» толпою; но здесь гораздо уместнее назвать ее «синею», так как вся она, от мала до велика, без различия пола, возраста и звания, была облачена в однообразные, как мундир, халаты, окрашенные всеми возможными мутными оттенками индигового цвета. На первый раз казалось, будто вся эта многолюдная толпа, мужчины и женщины, были одеты в один и тот же больничный халат с классическими широкими мешкообразными рукавами, заменяющими карманы; здесь даже печатаются разные «рукавные» издания словарей и других общераспространенных книг, совершенно соответствующие нашим «карманным» изданиям, впрочем, с тою существенною разницей, что здесь они действительно носятся в рукавах, тогда как удержать в руках какой-нибудь немецкий «Handlexicon»⁰⁰ или «Handaflesr»⁶¹ едва ли может тот, кого судьба не наделила кулачищами Держиморды. Всматриваясь внимательнее, можно было разглядеть, что женские халаты шьются не совсем так, как мужские, что одна часть толпы, едва ли не более многочисленная, прячет низ своих халатов в широчайшие полосатые юбки или шаровары из полосатой бумажной ткани: это были самураи, т.е. много раз уже помянутая японская шляхта, своею многочисленностью и кичливостью напоминающая польскую шляхту худших времен Речи Посполитой. Другая часть толпы подолы своих халатов не прятала ни во что: это были купцы или мещане, т.е. просто обыватели; наконец, выделялась еще и третья часть, которая прятала подолы своих халатов за пояс, так что на них, т.е. на плебейх по преимуществу, на крестьянах и городских работников, традиционная длиннополая одежда восточных людей принимала вид короткой туники или курточки. А так как японцы плебейского звания совершенно не носят панталон, то зрелище получалось для европейца неожиданное и немногочисленным чопорным английским мистрис и мисс, заносимых волею судеб в эти края, чуть не на каждом шагу приходилось закрывать себе руками глаза и, краснея, восклицать: shocking!⁰² Пристрастие к наготу, которым японцы очень резко отличаются от восточных народов, бросилось мне в глаза в первый раз здесь, на иокохамском вокзале. Впоследствии оно много раз обращало на себя мое внимание и в связи с некоторыми другими признаками, естественно, наводило на мысль, что предки этой кишевшей передо мною толпы должны были происходить не с азиатского материка, где климат вовсе не способствует такой райской первобытности нравов, а с тропических островов, населенных еще и до сих пор разнообразными и малоисследованными помесями малайско-полинезийского племени. Теперь просвещающее правительство ведет упорную борьбу с этой японской наготою. Оно запрещает девицам в городах прогуливаться перед публикою в несложном наряде нашей прародительницы Евы; оно велит строго отделять в публичных банях мужскую половину от женской; оно посылает своих полисменов в мундирах гоняться за рысистыми «нинзоками»⁶³, запряженными в «зинрикуся», которые в жаркое время года спешат освободиться от всяких одежд, стесняющих их бронзовое тело, и оставляют на себе только минимумы белых полотенец или поясов вокруг чресл. Меры эти, несомненно навеянные иедоскому правительству чопорностью протестантских миссионеров и их жен, приводят не всегда к имевшимся в виду целям. Так, например, в публичных банях мужчинам

и женщинам уже вместе нельзя; но никто не мешает любителям даже с биноклями на женскую половину глазеть на моющихся японских женщин.

Смешно было бы говорить о каком бы то ни было влиянии этих новейших полицейских мер на общественную нравственность в Японии. Едва ли существует в какой бы то ни было стране прямая связь между наготой и нравственностью. Не может быть никакого сомнения, что прилив иностранцев в некоторые японские города повлиял очень дурно на нравственность туземцев и всего более именно тех классов, которые состоят в наиболее тесном прикосновении со своими непрощеными гостями. Но влияние это довольно сложное, и мы постараемся очертить его различные проявления по частям везде, где к тому представится благоприятный случай, прежде чем делать какие бы то ни было обобщения. Замечу только, что, по моим наблюдениям, оказываются глубоко не правы те, которые видят в японской наготы доказательства первобытной чистоты их прежних нравов, — чистоты, будто бы исчезающей теперь под наплывом официально предписываемого им лицемерия. Как и все на свете старые культурные нации, японцы и до сближения с иностранцами не блистали девственною чистотою своих нравов в смысле половой воздержанности и супружеской верности. Я полагаю, что правительство и всякие цивилизаторы могут одевать или раздевать японцев как им вздумается, но сущность дела от этого не изменится ни на волос. Мы видим слишком много барынь самого низкого нравственного достоинства, шеголяющих во всевозможных нарядах. Было бы ребячеством отдавать их японским сверстницам пальму нравственного первенства только за то, что они не стесняются показываться без рубашки перед публикой.

Интересно, что уже до появления иностранцев в Японии в высших классах здешнего населения стало развиваться некоторое отвращение от наготы, а вместе с тем стал исчезать и общераспространенный обычай татуирования, которым, по свидетельству авторитетного китайского энциклопедиста Матуан-Линя, японцы, даже в древние времена, отличались от соседних с ними азиатских народов. Мне приходилось находить здесь людей, расписанных от колен до плеч драконами, женскими портретами, цветами и арабесками, только в тех корпорациях, которые, как например, рыбаки, бегуны или скороходы (бетто) и т.п., принуждены выступать нагишом перед публикой. Замечательно, что эти расписные люди, не имея на своем теле решительно ничего, кроме заветного полотенца вокруг чресел, вовсе не производят впечатления голизны. Татуировку совершенно справедливо можно бы назвать одеждою голого человека. Мне удалось сделать и еще одно наблюдение в этой области, а именно, что у японок в больших городах развивалась уже некоторая стыдливость перед иностранцами. Путешествуя в японском костюме и в японском обществе в окрестностях знаменитой Фудзиямы или Никко⁶⁴, я часто встречал в гостиницах целые партии почтенных японцев и японок всякого звания, которые (и которая) спешили первым делом раздеться до нитки, прежде чем усесться на циновках для завтрака. Они, не стесняясь, вступали со спутниками в оживленные разговоры, пока видели вокруг себя только отечественные халаты и черные головы. Достаточно было войти в общую комнату хотя одному белобрысому сыну Альбиона или даже европейским дамам, чтобы японские красавицы устыдились своей наготы и спешили бы прикрыть ее или исчезнуть за перегородками.

Благодаря наготе, толпа, с которой я свел первое знакомство на вокзале Иедо-Иокохамской железной дороги, представляла такую пестроту и разнообразие тонов и цветов, которого решительно не допускает неживописная бесцветность японского костюма. В общем, в японском населении может быть и преобладает тот азиатский континентальный тип, который принято называть монгольской или желтой расой и которого чистокровных представителей вы встречаете везде, начиная с калмыков наших донских степей и кончая якутами или манзами Уссурийского края. Но между тем, как этот плосколицый, широкоскулый тип поражает однообразием, по крайней мере в основных своих чертах, японская толпа, напротив, пестрит в глазах богатством своих разновидностей. Рядом с широким, почти четырехугольным лицом, с отвислыми ушами, приплюснутым носом и громадным ртом, приятно поражает глаза изящный утонченный овал многих, преимущественно женских, головок, напоминающий сухощавых ломбардских красавиц и мадонн Леонардо да Винчи, и тут же дородные крестьянки из лежащих на северо-востоке от Иедо сравнительно диких округов, представляющих роскошь и дебелость упругих, красивых форм, которым могла бы позавидовать любая римская натурщица. Бок о бок с городским обывателем, с впалой грудью, несколько выдающимся животом и сухими, искривленными короткими ножками, вы видите невысокие, но статные фигуры плебеев, которых мощные члены кажутся отлитыми из бронзы и молодцеватая осанка которых напоминает *majas*, т.е. «Щеголей» демократических кварталов Севильи. Пока я стоял с Гендзи у открытых дверей вагона в ожидании последнего свистка, перед нами бесконечною вереницею проходили разнообразнейшие представители всевозможных оттенков человеческой кожи: от мертвенной бледности, отличавшей лица *dsiopo*⁶⁵, т.е. патентованных прелестниц из публичных домов, которых шея и щеки к тому же беспощадно набелены сероватым порошком свинцовой окиси, до темно-коричневого загара местных рыбаков. Лица горожан всего чаще зеленовато-серые, иногда, действительно, с желтоватым калмыцким оттенком, тогда как крестьянская кожа бросается в глаза своим кирпичным или медно-красным цветом, таким ярким, какого я не встречал даже между «краснокожими» Северной Америки. Очень многие из женщин краснощекие, с алыми мясистыми губами, были несколько не «цветнее» и не смуглее заурядной итальянки или малороссиянки, тогда как некоторые старухи кофейным цветом отвислой морщинистой кожи могли сравниться с мулатами Панамы и Гаваны. При таком разнообразии японских физиономий нет ничего удивительного, что у европейских авторов на каждом шагу приходится читать самые противоречивые описания японского типа. По моему впечатлению, японский тип представляет гораздо более вариаций и колебаний, чем тип населения любой европейской страны, и одно это обстоятельство может служить уже достаточным ручательством за то, что нынешняя японская нация сложилась из различных племенных элементов. Порою среди молодежи обоого пола попадаются лица, очень привлекательные по выражению; но в целом, японский тип все же очень некрасив, резок, угловат и отличается замечательной склонностью доходить до решительной карикатурности. Трудно встретить женщину старше 30-ти лет, которая не была бы совсем уродливою старухой. Ранний выход замуж и привычка носить

детей на особых помочах за спиною рано портят стан японки и ведут к частым искривлениям хребта. Повсеместное употребление белил скорее придает коже мертвенный, грязноватый оттенок. Пожилые мужские физиономии имеют обыкновенно то клерикально-лукавый, то чиновничьи надутый оттенок, вовсе не соответствующий, впрочем, почти повсеместной здесь обходительности и бесцеремонной общительности. До семи-или восьмилетнего возраста японские дети почти не отличаются от круглолицых и черноглазых европейских детей; но с каждою дальнейшею станцией на жизненном поприще японцы все больше и больше, с чисто антропологической точки зрения, расходятся с европейцами; причем уклонение оказывается далеко не в их пользу и они гораздо раньше нас доходят до одряхления и истощения. Поражает в Японии (впрочем, так же, как и в Америке) совершенное отсутствие толстяков. Замечательно, что самим японцам европейский тип, особливо в женщинах, нравится более своего местного. Те из них, которым удалось познакомиться с прекрасною половиною белого человечества, потом относятся уже с неизлечимым презрением к прелестям самых записных японских красавиц, и старик, вывезенный графом Путягиным в Петербург под именем Тацибана Косай⁶⁶, вернувшийся двадцать лет спустя в возрожденное свое отечество с пенсиею от нашего министерства и с фамилиею Яматов, неутешно вздыхает там и до сих пор по прелестницам Невского проспекта.

VI

Всего в нескольких минутах от станции поезд останавливается снова у беззвучного казенного здания, как две капли воды похожего на то, от которого он только что отъехал. Здешние кондукторы, японцы в европейских мундирах и в белых панталонах на коротеньких, дугообразно изогнутых ножках, сильно смахивающие на хорошо дрессированных мартышек, проделывающих с умным видом перед публикою неожиданные от их звания штуки, не выкрикивают названия станций; но красивая китайская надпись на белой стене оповещает нас, что это Канагава. В переводе с японского имя это значит «Золотая река». Не следует, однако, предполагать, будто лужеобразный ручеек, протекающий здесь, оттененный восторженною тропическою роскошною растительностью, катит в мутных своих волнах золотые самородки. Название «Золотой реки» дано устью этого ручейка в предвидении иного рода богатств, которые не могли преминуть сосредоточиться здесь, вследствие исключительности и привилегированности самого местоположения...

Йокохама — создание чисто европейское. В японские времена портом Иедо служила Канагава; а так как морские сообщения в этой стране всегда играли главнейшую роль, то в Канагаву и стекались все те продукты, которые слала западная многолюднейшая и промышленная половина империи на удовлетворение прихотей и нужд полуторамиллионного населения богатой и разгульной столицы сиогунов. Здесь товары эти сгружались с судов и отправлялись на выюках или на совершенно первобытных двухколесных ручных возах по большой токайдской дороге. Но этого мало. Для упрочения своей диктаторской власти внук великого Гонгенсамы издал такой закон, по которому семейства всех владетельных князей обязаны были жить постоянно

в его столице; сами же феодалы должны были проводить в ней по шести месяцев каждый год. Канагава была тою столицею; где князья двух больших островов Кюсю и Сикоку, а также всех западных и юго-западных уделов, оставляли свои расписные, украшенные причудливыми флагами и знаменами галеры, направляясь отсюда уже сухим путем со своими многочисленными военными конвоями, шляхтою и челядью на поклон к грозному властителю, которого европейцы долгое время считали за «светского императора» Японии. Для приема некоторых князей, например сацумского, сам диктатор по закону должен был являться в Каганаву; других встречали и провожали более или менее важные сановники. На возвратном пути все эти многолюбезные и торжественные шествия снова должны были проходить через Канагаву. Таким образом, город этот, основанный в конце XVI столетия на берегу, бывшем до тех пор пустынным и диким, разросся с такою быстротою, которая показалась бы значительною даже в Северной Америке. Число постоянных его жителей, правда, никогда не превышало пятидесяти тысяч душ; но свое значение и оживление он черпал из тех перемежающихся полчищ, которые не числились в списках его обывателей, но тем не менее ежедневно толпились на его длинных, широких улицах, в своих расшитых военных кафтанах с откидными отворотами, наподобие крыльев, с двумя саблями и кинжалами у тканых поясов, с копьями, литаврами и бубнами. Это был город, совершенно своеобразный, разбитной, шумный и живописный не в пример всем прочим японским городам. Как памятник этого отжившего величия города Каганавы, к станции подскакал верхом на буланом жеребце молодой самурай старого закала из таких, каких мне мало удавалось видеть потом, за все мое двухлетнее пребывание в Японии. Голова его была повязана белым платком с неизменными индиговыми узорами; круглая блюдообразная бамбуковая шляпа огромных размеров висела за спиною на толстых шелковых шнурках. На нем был широкий балахон или безрукавка из торчащей, как парча, лиловой ткани с высоким белым воротником и широчайшими белыми же отворотами, расшитыми золотыми шнурками. Длиннейшая сабля висела горизонтально на широкой перевязи. Он стоял, сильно согнув ноги, на коротких стременах, имевших вид громадных раковин из черного, ярко лакированного дерева с золотыми разводами и узорами. Всадник, нагнувшись над лукою, дергал обеими руками длиннейшие поводья, сплетенные из толстейших шелковых жгутов алого цвета. Жеребец его, изогнув назад широчайшую шею с гривой, остриженную коротко и торчащую щеткою, как на классических барельефах, танцевал, вздымая густым облаком пыль, в которой мелькали яркие кисти, украшавшие узду и седло, покрытое большим чепраком из черной лакированной ткани с золотыми разводами. Зрелище было в высшей степени оригинальное и неожиданное. Посмотрев на наш поезд угрюмым, диким взглядом своих узких черных глаз, он поднял лошадь на дыбы, круто повернул ее на задних ногах и быстро ускакал, возбуждая любопытство японской толпы не менее, чем и мое собственное.

Подобные зрелища с данных пор успели уже стать редкостью в самой Канагаве. Прибытие европейцев было роковым ударом для этого города, который, однако, не умер вовсе, но переводился в нечто, по-своему тоже очень своеобразное и не имеющее ничего общего с первоначальными его судьбами. По первым международным договорам, Канагава должна была занять видное

место в числе тех немногих городов, в которых иностранцам позволено было строить свои фактории. Было ясно с самого же начала, что окрестность Иедо, которое само еще было местом запретным в эти дни, представляет один из самых выгодных пунктов для европейской торговли; а потому в Канагаве очень скоро возникла сравнительно многочисленная колония сюртучников. Но тут-то и начались каждый день столкновения между этими непрошеными посетителями и тем классом местного общества, который отчасти смотрел чуть не как на кощунство на самое появление «варваров» (*изин*) в священной стране, отчасти же относился благосклонно к преобразованиям и к чужестранцам, но требовал от этих последних уважения к тому своему point d'honneur⁶⁷, которым японское шляхетство одним только и жило в течение едва не целого тысячелетия, ради которого оно всем своим воспитанием приучено было играть с изумительной легкостью и своею собственностью, и чужой жизнью. Разумеется, этого уважения они не могли найти у своих европейских посетителей, в числе которых встречалось немало очень порядочных единичных личностей, которые, вообще говоря, являлись в эту новую страну, не имея за душою ничего, кроме помыслов о быстрейшей наживе и кроме величавого, хотя и неосновательного презрения к ее нравам, обычаям и жителям. Напрасно иедосское правительство усиливало власть своего губернатора в Канагаве и наводило шумный город целыми полчищами своих военных и полицейских агентов. Кровавые расправы кичливых самураев над своими вольными и невольными оскорбителями не унимались, вызывая каждый раз дипломатические затруднения и угрозы военного вмешательства. Тогда японское правительство предложило иностранным державам перевести свои фактории на противоположный берег (Йокохама значит *Поперек берега*) той же самой бухты, где в тени криптомерии красовалась ничтожная рыбацья деревушка, раскинувшаяся вокруг храма богини Бентен, куда в ясное время стекались порою немногочисленные партии японских богомольцев. Дипломаты увидели в этом предложении подвох, а потому и запротестовали самым энергическим образом. Но деловое европейское население этих мест не чувствовало потребности без нужды подставлять свои глотки и свои животы под острые, как бритвы, сабли самураев; к тому же на противоположном пустынном берегу они гораздо более могли чувствовать себя хозяевами. В конце концов фактория была перенесена, и под сенью храма почтенной богини скоро расцвел красивый европейский городок, а к нему с изумительною быстротою стал лепиться большой японский город с обширными лавками и магазинами, в которых по небывало высоким ценам сбывалась приезжим посетителям всевозможная японская дрянь, с многочисленным населением всякого рода маклеров, агентов, перекупщиков и т.п., в особенности же батраков без всякого звания и без всяких определенных занятий, которые очень быстро приютились вокруг и около европейского города в качестве лодочников, носильщиков, ремесленников, лакеев и поваров. Хозяевами и в европейском, и в японском городе, впрочем, оказались китайцы, нахлынувшие сюда в несметном количестве из всех близлежащих портов и значительно превосходящие и японцев и европейцев стойкостью в борьбе за медный грош, который под этими отдаленными меридианами обладает чудовищной способностью разрастаться в мексиканские доллары, а затем и в билеты Oriental Bank⁶⁸, если только вы

не выпустили его из своих рук ради желания играть в набоба. Я не знаю почти ни одного европейца, который очень скоро не нажился бы здесь на первых порах, но еще скорее не прожил бы потом, вследствие рокового для всех игроков неумения «забастовать вовремя».

А между тем власть иедоских диктаторов рушилась и расплзлась, «как гнилая рыба», не по дням, а по часам. Потеряв возможность заставить феодалов исполнять свою обязанность относительно периодического их появления в Иедо к нему на поклон, сиюгун счел за лучшее избавить их вовсе от этой обязанности. Вслед за революцией 1868 г. и самая диктатура, и феодальные княжества были упразднены. По закону 1872 г. Канагава преобразована в один из губернских городов (кен); Таковым она числится и до сих пор; только губернатор ее, обыкновенно выбираемый из лиц нового образа мыслей, освоенных с европейскими нравами и языком, давно уже предпочел перебраться в Йокохаму, где живет удобнее и веселее. Присутственные места тоже перенесены туда же, поближе к консулам, в нарочно для того выстроенные, впрочем очень скромные и безвкусовые палаццо. Зато чайные и публичные залы, которыми Каганавы славилась уже в прежние времена, когда она служила станцией для кочующих полчищ склонного к разгулу шляхетного японского населения, расцвели новым, едва ли не еще более пышным цветом с тех пор, как неизменными стали всесветные моряки и приказчики из торговых домов и контор Йокохамы. *Sic ransit glorie mundi*⁶⁹. Ничтожная деревушка богини «Поперек берега» (Йокохама Бентен) взяла себе на содержание большой город, при котором она еще недавно числилась (официально же числится еще и до сих пор) ничтожным придатком. Столица шляхетного *point d'honneur'a* и феодальных парадов и торжественности преобразилась в столицу международного разгула и проституции. Но в своем нынешнем перерожденном виде Канагава едва ли менее прежнего заслуживает свое название «Золотой реки» или «Золотого дна» (в вольном переводе на наши нравы), так как денег здесь обращается очень много. Содержатели увеселительных заведений, все чистокровные японцы (за европейцами тут признается только право гулять, но не селиться), богатеют нещадно и вместе с промышленным населением японских кварталов Йокохамы представляют чрезвычайно интересный тип населения, тщательно сохраняющего внешние формы старой японской жизни, но по духу уже преобразившегося в нечто очень сродное соответствующим им классам народонаселения западноевропейских городов. Город имеет вид довольства и расположен в красивой местности; но сам по себе не представляет ничего характерного и достопримечательного.

Путешественники, которым удалось посетить Японию в то время, когда в ней еще не существовало ни европейского прогресса, ни железных дорог, все утверждают, будто большая токаяская дорога между Йокохамой и Иедо идет как бы по одному сплошному селению. Впоследствии, когда мне не раз приходилось прогуливаться по этой красивой местности, я убедился, что в этом уверении нет чрезвычайного преувеличения. Но железная дорога тот час за Канагавою начинает уклоняться от большой дороги, и живописность зрелища выигрывает от этого очень много. Некрасивые, пошлые японские постройки исчезают по крайней мере в непосредственном соседстве, и

путешественник чувствует себя в поле. Налево тянутся без конца живописные холмы с очень разнообразными очертаниями, покрытые густо и необычайно свежее на вид растительностью. Порою они значительно понижаются и уходят волнистою линиею вдаль, к самому подножию знаменитой Фудзиямы (правильно Фудзисан), совершенно правильный конус которой сияет на горизонте, фантастически окруженный волнистою мглою. С этой стороны характер пейзажа несколько напоминает Каталонию на севере от Барселоны: та же резкость очертаний, не лишенных, однако, своеобразной гармонии; самые криптомерии своими как бы окровавленными стволами напоминали моему глазу каталонские пробковые дубы. Направо развивалось иное зрелище. Рябая поверхность моря с бегущими вокруг береговых и подводных скал белыми бурунами уходила все дальше. Весь берег тонул в зелени чрезвычайно раскидистых плакучих ив, составлявших самые живописные группы с криптомериями, соснами и елями самых разнообразных пород, многие из которых так и дышали лесами крайнего севера. Рядом с ними каждая влажная ложбина представлялась покрытою бананами, правда, не дающими в Японии спелых плодов; но это не мешает им вносить свою тропическую ноту в японский пейзаж, которому именно это-то смешение тропических и полярных пород и придает совершенно особую, ни с чем не сравнимую физиономию. Деревья, общие Японии с Европою, поражают здесь своею раскидистостью, густотою и свежестью зелени. То тут, то там небольшие кущи маленьких пальм вздымают свои верхушки над этим морем зелени, повсюду извивается стройный бамбук, вырисовывающийся то золотистыми фестонами на темном фоне хвойных дерев, то легким темным кружевом на дымчатом небе... Японскую растительность недаром упрекают в том, что она, как кокетливая женщина, жертвует всем «для показа». Благодаря здешним жарким летним дождям вся природа развивается с почти невероятною для нас быстротою. Вчера еще совершенно сухой и обнаженный луг покрывается в несколько часов густым ковром свежей растительности; деревья в два-три десятка лет принимают вид вековых; плоды и овощи наливаются не по дням, а по часам и дивят наш глаз громадностью и правильностью своих размеров, но на вкус они напоминают смоченный пресною водою картон; роскошные здешние луга дают немногочисленным стадам коров (коз и овец в Японии не водится вовсе) скудную и нездоровую пищу; дерево, употребляемое на постройки и на поделки, гниет чрезвычайно быстро, если только оно не покрыто непроницаемыми слоями знаменитого японского лака. Красивые японские цветы все без запаха...

Всего удивительнее, что при своей обаятельной красоте японский пейзаж, по крайней мере в проезжаемой нами местности, не имеет ничего дикого, первобытного: это красота хорошенькой горожанки, отлично знакомой со всеми ухищрениями вековой, всосавшейся в кровь и плоть культуры. Нигде ни пяди невозделанной земли; но шахматная правильность крайне мелко разделенных участков укрывается очень удачно из вида в живописной тени дерев. Заборов, портящих вид самых живописных западноевропейских местностей, здесь не видно вовсе: они заменены живыми изгородями из чайных кустов, значительно усиливающих доходность ограждаемых ими полей, так как ароматный японский чай ценится, даже на месте, довольно дорого. Даже безобразные японские дома выглядят живописно, когда их видишь издалека, наполовину

тонущими в роскошной зелени. Порою под высокими горными криптомериями живописно мелькает белая крыша буддийского храма или молельни с целыми аллеями каменных или чугунных не то памятников, не то фонарей, имеющих вид колоссальных грибов. У каждой деревни небольшие, выкрашенные в ярко-красный цвет деревянные ворота с двойной перекладиной, или, как их здесь называют, *тории*, обозначают часовню бога риса Инари, которую без этого предзнаменования легко бы было принять за амбар или хлевушок. Часто возле таких красивых ворот красуются по два каменных изваяния лисиц. Это сочетание Инари, т.е. сельского бога по преимуществу, с таким животным которое, с точки зрения сельского хозяйства не отличается никакими доблестями, было мне объяснено нижеследующим интересным образом: японцы давно заметили, что лисицы неизменно являются пожирать те съестные припасы, которые выставляются крестьянами в этих часовнях в жертву богу риса или земледелия вообще. Из этого они вывели заключение, что они имеют такое полномочие от самого Инари-сана. С тех пор и пошло поверье, будто лиса, про которую здесь рассказываются самые чудесные истории, состоит в должности чиновницы особых поручений при самом популярном крестьянском боге, а плутовке это на руку; не отличаясь особой деликатностью и пугливостью и в других странах, в Японии она эксплуатирует свое привилегированное положение с невыразимым нахальством и даже в городах таскает чуть не среди бела дня со двора всякую живность. Впрочем, японцы до самого последнего времени вовсе не ели мяса (кроме дичи и не держат на дворах иной живности, кроме кур, предназначенных не столько для стола, сколько для воспитания петухов, своими гладиаторскими боями потешающих старую и малую, знатную и плебейскую здешнюю публику.

Но вот море, которое уже почти вовсе отдалилось было от нас, приближается снова, но уже в несколько ином спокойном и грязном виде: это мелководный илистый залив Иедо. Влево мы огибаем высокий скалистый холм; за ним местность круто понижается; снова появляются сплошные ряды лишенных всякой живописности японских домов. Начинается Синагава, полная тоже трагических воспоминаний из недавних времен кровавой борьбы японского шляхетства с zalившим его потоком чуждой ему буржуазно-всемирной цивилизации... А затем поезд наш снова останавливается у казенного вида станции, торчащей одиноко среди громадного унылого пустыря.

Гендзиро принимает торжественно озабоченный вид и собирает ручной багаж. Приехали. Это Токио, новая «восточная столица» самой восточной в свете страны, или, по-старому, Иедо.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЯПОНИИ⁷⁰

Измышляя свой план организации европейского университета и школ в своем отечестве, японские преобразователи, очевидно, не имели ни малейшего представления о том фундаментальном различии, которое существует у нас между знанием филологическим и знанием реальным. Да им и негде было взять представления о таком различии, так как в китайской культуре и, следовательно, в их собственной, оно не существует вовсе. Запас положительных знаний на всем китайском Востоке до сих пор еще очень скудный

(по сравнению с современным европейским), он там целиком включается в классицизм. По-китайски невозможно написать какое-нибудь слово, не определивши и не классифицировавши известным образом понятие или явление, выражаемое этим словом. Для японцев было вполне естественно предполагать, что и в Европе происходит нечто подобное. Они были твердо убеждены, что японские юноши, научившись европейскому языку во французском, английском или немецком отделении *гвайкокуго гаккоу*⁷¹ (училища иностранных языков), будут уже достаточно подготовлены к слушанию университетских лекций на этих языках по всем предметам и факультетам. Таким образом, они рассчитывали одним ударом убить двух зайцев: во-первых, воспитать известный контингент переводчиков по всем главным европейским языкам для дипломатических и иных казенных целей; во-вторых, подготовить некоторое количество студентов, которые, освоившись в университете с европейской мудростью, станут потом сами насадителями ее в японских школах.

Потребность в организации этого рода была громадной. Чуть только была открыта школа иностранных языков в столице, ученики целыми полчищами стали являться туда со всех сторон. Частью это были дети 11 — 12 лет; но главным образом — уже юноши или даже совсем взрослые самураи, имевшие своих собственных детей и успевшие уже на совершать более или менее геройских подвигов в недавнем междуусобии. Некоторые уже обладали кое-какими элементарными сведениями по французскому, в особенности английскому или даже и русскому языку, приобретя их в миссионерских школах или иным путем; но большинству приходилось начинать с азбуки. Правительство значительно усилило этот наплыв желающих тем, что предлагало учащимся казенный стол и квартиру, да еще сверх того небольшое жалованье (по одному доллару в месяц) на карманные расходы. Подобный прием в Японии можно считать традиционным со времен еще императора Зюнзинтенно; но на этот раз была, однако же, и побочная мысль: правительство рассчитывало отвратить таким образом японских юношей от посещения миссионерских училищ, которые тоже содержат учащихся на свой счет.

Более других наполнялось английское отделение, так что его очень скоро должны были перевести в особое помещение и организовать как самостоятельное училище. Это было вполне понятно, потому что англичане и американцы составляют значительно больше половины всего числа находящихся в Японии иностранцев и успели очень скоро захватить в свои руки главнейшие отрасли официальной промышленной и торговой деятельности. Помню, мне даже приходилось читать в одной из довольно авторитетных европейских газет, будто японский микадо приказал всем своим подданным говорить по-английски. Известие это, разумеется, было чистейший вздор и показывало, как мало в Европе понимали истинный характер происходившего в Японии движения, тем не менее есть некоторое основание утверждать, что английский язык становится до некоторого предела официальным языком в империи Восходящего Солнца: он заменил прежний голландский в дипломатических сношениях; адмиралтейство и инженерное ведомство, как морское, так и сухопутное, были с самого же начала в англо-американских руках, железные дороги строились англичанами; а главное, во

всей Японии едва ли существует и до сих пор хоть одна серьезная торговля, которая была бы не английскою, если не американскою.

Впрочем, и по другим отделениям наплыв учеников был громадный, за исключением, впрочем, китайского, которое было поручено особому мандарину с павлиньим пером на никогда не снимаемой им шляпе, добытому дипломатическим путем из Китая, и которое никогда не насчитывало более пятидесяти учеников. Стекался в европейскую школу в Токио преимущественно народ бедный, отчасти потому, что в Японии вообще богачей мало; но легко было заметить, что жажда знания здесь сосредоточивалась в том шляхетном или самурайском сословии, которое до известной степени заменяет здесь буржуазию и которое было в конец разорено недавним упразднением феодальных порядков. Вскоре министерство народного просвещения, *момбуэво*¹², очутилось в крайне затруднительном положении. Содержать на казенный счет всю эту массу учащихся, которая необыкновенно быстро увеличивалась в размерах, само по себе было уже очень нелегко; а тут еще бюджет народного просвещения был внезапно и значительно сокращен вследствие финансовых затруднений, явившихся результатом усиленной деятельности по морскому и военному ведомству в ожидании войны с Китаем, который вздумал, по английскому внушению, обидеться на японцев за их экспедицию на Формозу. В один прекрасный день пришлось объявить, что только ученики старших классов будут впредь содержаться на казенный счет; остальным же, т.е. громадному большинству, предоставлено было выпутываться по собственному усмотрению. В столице, таким образом, накопилось до тысячи молодых людей, главнейшим образом явившихся сюда из провинции, вкусивших соблазнительного плода западной науки настолько, что им уже было горько расставаться с ним, но не имевших никаких средств продолжать на собственный счет начатый ими курс.

При этом я имел случай убедиться, как сильно развит в Японии корпоративный или кантональный дух. Несмотря на то, что прежняя феодальная система уже окончательно упразднена, что уничтожены были даже самые названия бывших удельных княжеств, выходцы из каждой области составляли, тем не менее, в столице товарищества, сплоченные очень тесно и поддерживающие живую связь между своими членами. Эти товарищества приняли самое живое участие в юношах, которые внезапно увидели закрытую перед собой гостеприимную дверь столичного училища иностранных языков. Многим, но далеко не всем, была таким образом доставлена возможность продолжать начатое учение; другие иными путями добыли себе необходимые для этого средства; многим, однако же, пришлось вовсе покинуть надежду на дальнейшее ознакомление с европейскими языками и науками: некоторые же наконец стали усиленно стремиться к тому, чтобы окончить в одной из миссионерских школ курс, начатый ими на счет правительства.

Устройство самих школ по трем западноевропейским языкам (английскому, французскому и немецкому) не представляло никаких практических затруднений. Готовой программы обучения не было выработано никакой; существовавшие правила и распоряжения на этот счет менялись чуть ли не каждую неделю; так что в каждую данную минуту решительно никто не знал, какие именно порядки следует считать действительными. Учителей приходилось принимать по доверию; но выбор был очень велик. В это время

над европейскою торговлею в Японии уже разразился тяжелый кризис. В открытых портах, преимущественно в Йокохаме, находился в наличии чрезвычайно многочисленный контингент европейцев и американцев без всякого дела. Каждый был душевно рад возможности попасть на государственную службу. Жалованье европейским учителям, которое первоначально было установлено средним числом в три тысячи долларов в год с прибавкою казенной квартиры, упало очень скоро до ста и даже до восьмидесяти долларов в месяц. Нередко между учителями попадались вполне компетентные и порядочные люди. Случалось, впрочем, и противоположное. Японцы, вообще, народ доверчивый и ко всему ученому питают к тому же глубокое уважение. Первоначально им и в голову не приходило обставлять свои договоры с иностранными учителями юридическими ухищрениями, крючками и формальностями. Несколько горьких опытов заставили их, правда, очень скоро стать на иную дорогу; но выиграли они от этого очень мало.

Пересматривая свой собственный контракт, заключенный мною, уже по приезде в Токио, с министерством народного просвещения, я невольно улыбаюсь его наивной претензии предвидеть такие тонкости и случайности, которых, казалось бы, можно вовсе было не принимать во внимание. Так, например, в нем предусмотрено, как следует поступать с моими бранными останками, буде я в Японии помру, и какие претензии в этом случае моя вдова может предъявлять японскому правительству. Но этот же контракт предоставлял мне право не являться на службу по десяти дней кряду: вычет из жалованья по расчету мог иметь место только тогда, если мое отсутствие продлится дольше этого времени. Но в контракте совершенно не упоминалось о том, как часто могу я повторять эти свои десятидневные отлучки; так что, при недобросовестности, нетрудно бы было свести свой служебный год на одну шестую часть его настоящей продолжительности или и того меньше. Весь контракт был составлен в таком же духе. Само собою разумеется, что между служащими европейцами и американцами находились такие, которые пользовались этою неопределенностью своих контрактов в размерах почти невероятных. Для многих представлялось идеалом, законтрактовавшись на пять лет, довести с первого же года японское правительство до того, чтобы оно отказало им от службы. Тогда обиженный предъявлял иск, требуя единовременной уплаты жалованья за все обозначенное в его контракте время. Несмотря на вопиющее безобразие таких проделок и на грубость приемов, пускаемых в ход для достижения цели, цель обыкновенно достигалась, благодаря экстерриториальности и тому, что консулы, на решение которых повергаются такие дела, считают обыкновенно победою своего национального знамени выигрыш подобных дел не только против японского правительства, но даже и против японских компаний. Мне лично знакомы несколько таких прощелыг, которые, загребя таким образом сразу крупный куш, потом хвастались своим успехом во всех сборищах европейской концессии в Цукидзи и имели смелость снова предлагать японцам свои услуги по какому-нибудь новому ведомству.

Встречались такие артисты и между учителями европейских школ, но довольно редко. Во-первых, места этого рода своею скромною обстановкою мало манили к себе авантюристов широкого пошиба; во-вторых, само мини-

стерство, находя достаточно охотников на месте, в самом Токио или в соседней Йокохаме, не заключало долгосрочных контрактов, которые становились необходимыми только тогда, если надо было платить путевые издержки далекого путешествия. Попадались, конечно, учителя, скоро оказавшиеся негодными. От них спешили отделаться, не щадя денег. Таким образом, комплект по всем трем западноевропейским отделениям, комплект более или менее удовлетворительных просветителей пополнялся скоро и без труда. Совершенно иначе было обставлено в этом отношении русское отделение, которым однако же японцы, особливо же в первое время, дорожили не более всех прочих.

Япония нуждается в некотором числе русских переводчиков благодаря смежности своих владений с нашими, даже не говоря о тогда еще существовавшей чересполосности на Сахалине⁷³. Однако ж для этой одной цели едва ли стоило бы заводить особую школу в столице, особливо же с такими же хлопотами и затратами, с которыми это дело было сопряжено. Я был немало удивлен по приезде в Японию тем, что изо всех японских переводчиков разных европейских языков, стоявших в большинстве случаев значительно ниже самого скромного уровня, именно русские отличались сравнительно лучшим знанием своего дела. К тому же они оказывались многочисленнее, чем можно было ожидать. Некоторые из них в очень юных летах были отправлены в Россию, отчасти на казенный счет, отчасти же иждивением адмирала графа Путятина. Другие, никогда не покидавшие своей родины, научились, однако же, довольно удовлетворительно говорить по-русски в училище, устроенном нашими миссионерами в Хакодате под руководством архимандрита о. Анатолия. Впоследствии в самой столице было устроено в более широких размерах русское миссионерское училище, которым занимался с особою любовью архимандрит о. Николай Касаткин, великий знаток японской истории, синтоистской религии и языка, начальник православной миссии в Японии. Наши миссионеры своим личным характером и своим действительно образцовым исполнением трудных своих обязанностей успели внушить глубокое уважение к себе и к своему делу. Несмотря на то, что эти хитрые островитяне Крайнего Востока решительно не хотят видеть в наших миссионерах только религиозных пропагандистов, преследующих исключительно духовные цели без политической задней мысли, они все же идут охотно в русские миссионерские училища даже и тогда, когда к религиозным вопросам относятся с равнодушием, довольно обычным в буддийских странах. Замечу кстати, что далекое Хакодате для изучения русского языка оказалось почвою более благоприятною, чем Иедо, это объясняется тем, что в Хакодате рано образовалась маленькая русская колония, поддерживавшая живые сношения с местным населением, что там прежде довольно часто стаивали наши военные суда... Около Нагасаки, где нет ни духовной миссии, ни русского училища, существует, однако, целая деревня, многие из жителей которой говорят довольно порядочно по-русски благодаря частым стоянкам наших казенных судов. Повторяю: имея в виду только доставить Японии необходимый для нее контингент переводчиков, не было строгой надобности создавать особое отделение русского языка при училище иностранных языков в Токио. Но дело в том, что один из крупнейших японских тузов, вице-председатель государственного совета Ивакура вывез из своего пребывания в Петербурге

самое благоприятное впечатление и вернулся домой восторженным поклонником Великого Петра. Все русское пользовалось в целой его партии совершенно особым пристрастием. Россия представлялась японцам страной значительно ближе к их нравам и порядкам, чем западноевропейские государства или Соединенные Штаты.

Япония, без сомнения, сильно нуждалась в том, чтобы какое-нибудь из европейских государств послужило ей руководителем в трудном деле ее, так сказать, натурализации на всемирном культурном поприще. Роль эту несколько позже взяла на себя Америка, благодаря едва ли не исключительным личным качествам своего посланника, старика Бингама, сменившего калифорнийского авантюриста де Лонга, оставившего по себе на всем Крайнем Востоке очень печальные воспоминания. Но тогда, по очень разнообразным соображениям, казалось всего естественнее вручить эту роль нашему отечеству. Россия являлась как бы неизбежно союзницею Японии против Китая и при этой общности политических интересов между японскою и русскою империями нельзя было даже и придумать какого-нибудь яблока раздора. Другие европейские государства имеют постоянными своими представителями в открытых японских портах целый легион коммерсантов, промышленников, авантюристов, имеющих в стране те денежные дела, из-за которых ежечасно возникают всякие мелочные столкновения и дрязги. Дипломатические агенты этих стран, даже и при желании блюсти правду и беспристрастие, неизбежно поддаются влиянию своих соотечественников, отстаивают их требования и споры о выеденном яйце раздувают ежечасно в дипломатические и политические вопросы.

Относительно России не существует вовсе этих неблагоприятных условий. Представителей нашей национальности во всей империи Восходящего Солнца едва ли насчитывается десяток, да и те (с упразднением курильской компании г. Филиппеуса) не имеют с туземцами решительно никаких торговых или промышленных дел. Мотивов же для дружеских отношений между двумя соседними государствами существует множество. При всей недавности своего вступления на поприще международных сношений маленькая Япония уже успела оказать нашей уссурийской окраине несколько ценных услуг. Иной раз она снабжала Владивосток хлебом, которого там решительно не знали где взять, так как финляндские суда, везшие его из Балтийского моря, частью разбивались, частью терпели крушение. Наша военная сибирская эскадра в случае повреждения одного из ее пароходов принуждена была посылать его чиниться на японские верфи в Иокоску, первоначально устроенные, правда, французами, но уже давно перешедшие в японские руки. С тех пор как японские порты очутились переполненными европейскими и американскими товарами, продававшимися там за бесценок, японские купцы неоднократно придумывали отправлять их во Владивосток и этим немало способствовали приданию некоторой комфортабельности тамошней жизни. Операции этого рода не разрослись до сколько-нибудь значительных размеров, потому что потребительная стоимость Владивостока оказалась очень тесно ограниченной. Японцы, однако, очень скоро связали его правильными (в летнее время) пароходными сообщениями со своими открытыми портами, а следовательно, и с целым Светом. Вообще, они рано наметили Сахалин и Уссурийский край как

поприще, на котором рано или поздно им суждено попытать свою предприимчивость. Все эти и многие другие соображения заставили японцев придавать нарочитое значение русскому отделению школы иностранных языков в Токио. При этом я имею в виду не только правительство, не щадившее издержек и хлопот на это дело, но также и самое общество. С самого своего начала русская школа в столице насчитывала уже около полутора ста учеников всякого возраста, начиная десятилетними мальчиками и кончая совершенно взрослыми самураями. Не следует забывать, что изучение русского языка не открывало перед японскими студентами тех широких перспектив, которые имели в виду ученики английского или французского, отчасти даже и немецкого отделений. По-английски и по-французски в столице уже читались высшие университетские курсы; немецкий язык открывал доступ в медицинское училище; по-русски же не предполагалось никакого высшего преподавания. В смысле карьеры или возможности зарабатывать себе средства к существованию изучение русского языка представлялось тоже очень малозначительным. Японцы, владеющие каким-нибудь европейским языком, если даже им и не удастся устроиться на государственной службе, могут найти себе место в одной из многочисленных торговых контор, магазинов, гостиниц и т.п. Для студентов же русского отделения не существовало ни одного из этих посторонних побуждений.

Устройство русского отделения с первых же шагов встретило такие затруднения, о которых не было и помина при устройстве всех других иностранных школ. О первом русском учителе в Токио до меня дошли уже только полулегендарные слухи. Знаю я, что он сам называл себя просто Сидором, без всякого прибавления, и что о происхождении его решительно никто ничего не знал. Лучшими моментами его педагогической деятельности были те, когда он, являясь в класс мертвецки пьяным и усевшись на кафедре, тотчас же засыпал непробудным сном. Иначе же он ругал своих слушателей самым неприличным образом, вступал с ними в рукопашный бой и наконец был выгаливаем ими из училища.

На смену ему явился молодой, очень щеголеватого вида джентльмен, еврей с польскою фамилиею, уроженец Варшавы, воспитанный в Берлине. Он сразу обворожил и начальство, и учеников своею обходительностью; держал себя чрезвычайно прилично, говорил удовлетворительно на нескольких европейских языках, необыкновенно быстро выучился разговорному японскому языку и вдобавок ко всему артистически играл на фортепиано. Свою казенную квартиру в помещении министерства иностранных дел он скоро уставил превосходнейшими образцами японского искусства, которые приметно становятся редкостью в самой Японии, но которые он разыскивал каким-то непонятным чутьем. Правда, он скоро повел очень шибкий и прибыльный торг этими предметами; но так как в упущениях по службе его упрекнуть не могли, то все и были крайне довольны неожиданным приобретением. Европейские и японские тузы в назначенные дни собирались к нему на обед и на вечера... Короче говоря, все шло к обоюдному удовольствию, когда директором школы иностранных языков был назначен только что вернувшийся из Москвы г. Итикава, прошедший значительную часть своей жизни в России, успевший там жениться и овдоветь и русским языком владеющий в совершенстве.

Новый директор, конечно, счел одною из первейших своих обязанностей посетить класс русского учителя, о разнообразных достоинствах которого он

уже был много наслышан даже раньше своего возвращения в отечество. К немалому изумлению директора, тот язык, на котором заговорил с ним этот обворожительный молодой человек в золотых очках, может быть, и не был чистым польским языком, но на русский походил очень мало, так что г. Итикава и понимал-то его с большим затруднением... Характерность японских нравов та, что по обнаружении этого неприятного недоразумения учитель вовсе не был выгнан со службы, но только переведен в немецкое отделение, где оказался действительно на своем месте, так как, несмотря на еврейское свое происхождение, он говорил на этом языке превосходно.

Эти две неудачи убедили японское министерство, что собственными средствами добыть русского учителя не так-то легко, и заставили его обратиться к содействию нашего уполномоченного г. Бюцева. Через его обязательное посредничество им был рекомендован пожилой уже г. Тр., - тоже еврей по происхождению, числившийся «студентом» (т.е. кандидатом в переводчики) при русском консульстве в Хакодате. До своего вступления на факультет восточных языков в Петербурге г. Тр... уже учительствовал в приходском училище в одной из наших западных губерний; а следовательно, мог считаться даже по европейским меркам отчасти компетентным для занятия предложенного ему места.

Обрадованное находкою и полагаясь на официальную рекомендацию, японское министерство назначило новому учителю небывалое жалованье — в шесть тысяч долларов в год, при казенной квартире и некоторых других удобствах. Удивленный такою щедростью г. Тр..., если не до конца своих дней, то по крайней мере до конца своей служебной деятельности в Токио, был терзаем одним угрызением: зачем он не потребовал 12-то тысяч, так как японцы, без сомнения, заплатили бы и их! Эту свою оплошность он твердо решил выместить как на японском начальстве, так и на своих учениках. Не проходило дня без того, чтобы Тр... не предъявлял школьной дирекции или министерству какого-нибудь нового, крайне стеснительного для них требования; и хотя все его притязания отличались заведомо нелепым характером и неосновательностью, тем не менее все они были исполняемы. Происходило это отчасти благодаря японской уступчивости вообще, отчасти потому, что при малейшем противоречии г. Тр., облачаясь в свой чиновничий мундир, неистово кричал, размахивал руками и угрожал злополучной японской империи всероссийскими войсками и флотами.

Нечего и прибавлять, что к школьным своим обязанностям он относился крайне небрежно, являясь в классы только тогда, когда не представлялось уже решительно никакой возможности провести время сколько-нибудь развлекательным для него образом, и весь курс своего преподавания систематически ограничивал книжкой басен Крылова. Промаявшись с ним более двух лет, министерство почло себя крайне счастливым, когда получилась наконец возможность отделаться от него, заплатив ему еще за два с половиною года жалованья вперед, с придачею еще какого-то куша в качестве прогонов в Петербург или отступного.

Дальнейшая судьба русского отделения школы иностранных языков в Токио мне неизвестна, так как мне самому пришлось оставить Японию почти накануне отъезда г. Тр...

Излишне также было бы распространяться об устройстве европейского университета в Токио, так как университет этот, фактически существующий

уже около 15-ти лет, до сих пор всего менее может считаться устроенным. Насчитывая в числе своих профессоров несколько европейских и американских ученых знаменитостей, университет этот страдал всего более от невозможности, так сказать, привести хотя сколько-нибудь уровень своего преподавания к одному знаменателю. Знаменитости стоили страшных денег и к тому же не встречались на каждом шагу, а потому приходилось рядом с бывшим директором гамбургского Зоологического сада проф. Рильгендорфом, читавшим зоологию, встречать на кафедре физиологии какого-то полинявшего американского миссионера, поучавшего заодно и студентов филологического факультета политической экономии; а известный американский химик Аткинсон имел своим собратом француза, который сам себя выдавал за беглого артиллерийского сержанта и читал высшую математику.

Во всей своей преобразовательной деятельности японцы делали, да и продолжают еще, по всей вероятности, делать на каждом шагу очень крупные промахи и ошибки; но они очень легко научаются, не падают два раза в один и тот же ров; уроки прошлого идут им впрок, и замеченная ошибка исправляется всегда очень радикально и скоро. Так еще до моего отъезда из Японии было уже решено вовсе закрыть французское отделение университета в Токио и сосредоточить все средства на организации высшего преподавания только на одном европейском языке. Языком этим предполагалось избрать английский. Прекрасная организация медицинской школы, которая с самого же своего основания стала немецкою специальностью, навела, однако, на мысль, что и вообще дело высшего образования пойдет⁷⁴, пожалуй, успешнее, если его сосредоточить в немецких руках. Таким образом, Япония начинает за эти последние годы быстро германизоваться; но об этих ее последних преобразованиях я сам мог бы говорить только по газетным известиям и по немногим письмам, порою доходящим до меня из этой далекой страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Муравьев-Амурский Н.Н. (1809 — 1881) — генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847 — 1851 гг. Активно поддерживал планы экономического развития дальневосточных окраин и всей Восточной Сибири, заселения Приамурского края и Сахалина, установления морского сообщения с портами Китая и Японии.

- Перри Мэтью Колбрайт (1794—1858) - коммодор, командующий американской эскадрой в Восточной Индии. В 1853 и 1854 гг. во главе военной эскадры вошел в Эдоский (ныне Токийский) залив и под угрозой применения военной силы в 1854 г. заставил японское правительство подписать неравноправный договор с США («Договор о мире и дружбе»), по которому Япония обязывалась открыть для внешней торговли порты Симода и Хакодате. Этот договор положил начало ряду неравноправных договоров Японии с европейскими странами, вошедшими в историю под названием «ансэйских договоров». Оставил «Записки коммодора Перри об экспедиции в Японию».

² Путятин Е.В. (1803-1883) - русский адмирал и дипломат. В 1853-1855 гг. вел переговоры с японским правительством об установлении дипломатических отношений с Россией.

⁴ Кемпфер Энгельберт — немецкий ученый. В 1777—1779 гг. в Берлине вышел его обширный труд «История Японии», был лучшим для своего времени описанием Японии.

⁵ Зибольд Филипп Франц — немецкий врач и исследователь В 1824-1829 гг. жил в Японии, служил в качестве врача Голландской Ост-Индской компании в голландской фактории в Нагасаки.

" С тех пор на всех европейских языках о Японии пишется довольно много. Для систематического изучения «Империи Восходящего Солнца» имеют значение: <..Japan nach ei^enen Reise-n •> и цр

Единственная удовлетворительная карта Японии издана года три тому назад Э. Книнингом.

⁷ Голландия была единственной страной, имевшей право вести в ограниченном объеме торговлю с Японией после принятия правительством Токугава политики изоляции страны в 30-е гг. XVII в.

" Речь идет о крупных политических деятелях Японии конца 60—70-х гг. XIX в., занимавших ключевые посты в японском правительстве.

" Сиогун (сёгун) - военачальник, высший военный титул в феодальной Японии.

" Одним из энергичных инициаторов введения европейского государственного и гражданского права был крупный политический деятель Японии Это Симпэй (1834-1874), имевший большое влияние на Ивакура Томоми.

¹¹ Экстерриториальность, т.е. неподсудность японским властям граждан тех европейских стран, с которыми Япония имела неравноправные договоры.

¹² Очевидно, Л.И. Мечников имеет в виду, что Окубо и Кидо были советниками при местных княжеских правительствах князей Симадзу Хисамицу и Мори Такатика.

¹¹ Тёсю (в прошлом Нагато) — крупное княжество на юго-западе о-ва Хонсю, противник дома Токугава, одно из самых развитых княжеств Японии в экономическом отношении к середине XIX в.

⁴ Имеется ввиду обращение в 1869 г. владетельных князей (даймё) к императору с петицией о «добровольном возвращении» ими императору всех своих суверенных прав («хансэки хокан»).

⁵ Окубо действительно был сторонником централизации; Кидо нельзя отнести к активным приверженцам введения в Японии парламентаризма.

" Самурай - служилое дворянство, высшее сословие в феодальной Японии.

⁷ «L'Empire Japonais», texte et dessins par L. Metchnikoff. Paris, 1881.

⁸ Temperature des verres a'soie - температура стеклянной нити.

⁹ Variable - переменна.

²¹¹ Хубилай-хан - внук Чингис-хана, представитель юаньской династии, правившей в Китае после его завоевания монголами. В 1274 и 1281 гг. предпринял попытки захватить Японию, окончившиеся провалом.

² Мечников преувеличивает степень распространения католической религии в Японии в XVII в.

²² Залив Иедо - ныне Токийский залив.

²³ Declasses - деклассированные элементы.

²⁴ Японцы называют Северным морем (Хокукай) то, которое отделяет их страну от наших уссурийских владений. Японское море в их устах не имеет определенного географического значения.

²⁵ Roch Island - остров Роша.

²⁶ Bibelots - безделушки.

- ' Фуне - корабли.

- " Иедо (Эдо) - резиденция сегунского правительства Токугава до революции 1868 г., по существу, неофициальная столица Японии.

²⁹ Ямато ~ название одного из древних японских племен, давшего начало консолидации японских племен в племенной союз.

³⁰ Ниппон - китаизированное название Японии, которое расшифровывается как Страна восходящего солнца.

" Ва - японский говор.

³² Кан — китайский язык.

^a Зинрикся - человек-повозка. Двухколесная повозка, в которую впрягался в качестве тягловой силы человек, известна в Китае как «рикша».

³⁴ Нуримоно - паланкин.

³⁵ Дзени, сэн - мелкая японская монета.

³⁶ Сизоки - дворянство.

³⁷ 1873 год известен в Японии как год «перемены в политике». Он ознаменовался рядом политических осложнений, но называть эти осложнения «революцией» неправильно.

³⁸ Садайзи (садайдзин) - левая палата высшего государственного органа в начальный период Мэйдзи - дадзёкана, которой принадлежали высшие законодательные и контрольные функции.

³¹¹ Симадзу Сабуро (Симадзу Хисамицу) (1817-1887) возглавлял администрацию княжества Сацума во время бурных событий конца 50-х — в 60-е годы.

⁴¹¹ Инцидент с убийством английского купца Ричардсона (Л.И. Мечников называет его секретарем) произошел в конце 1862 г., известен в истории под названием «инцидент в Намамуги».

⁴ «Князья были... медиатизированы», т.е. лишены политической самостоятельности.

⁴² Норимоно — средство передвижения. Л.И. Мечников иронизирует, имея в виду паланкин.

⁴³ При подавлении восстания в Сага, действительно, была проявлена неоправданная жестокость, а при судебном расследовании допущен произвол, за который прежде всего нес ответственность Окубо Тосими.

⁴⁴ Сайго Такамори (1827-1877), выходец из низкорангового самурайства княжества Сацума.

⁴⁵ Имеется в виду Сайго Такацугу, в дальнейшем политический деятель.

⁴⁶ В 1874 г. Япония начала экспансию в Китай, организовав карательную экспедицию на Тайвань.

⁴⁷ Гонгенсама - почетный императорский титул основателя династии Токугава Иэясу (1542-1616).

⁴⁸ Имеется в виду доминирование в политическом мире Японии в 50-60-е годы XIX в. противников европейского влияния.

⁴⁹ Мито Хитоцубаей - последний сегун из династии Токугава Хитоцубаси Ёсинобу (Кэйки) (1837-1913), происходивший из княжества Мито.

⁵⁰ Сегунат возник в XII в., хотя до этого долгое время большое влияние на императорский двор оказывал древний аристократический род Фудзивара.

⁵¹ Муцухито - мирское имя императора Мэйдзи (1852-1912), который был на престоле после свержения сегуната Токугава.

⁵² Мусумэ - девушка (яп.).

⁵³ Кобан - овальная золотая монета.

⁵⁴ Имеется в виду японское вторжение на Тайвань (Формозу) в 1874 г.

⁵⁵ Кембуцу - осмотр достопримечательностей.

⁵⁶ Кинай - район, где главные города Осака и Киото.

⁵⁷ Санъиндо - область, включавшая провинции Тамба, Танго, Тадзима, Инаба, Хоки, Идзумо, Ивами, Ока, обращенные в сторону Японского моря.

⁵⁸ Санъёдо — область, включавшая провинции Харима, Мимасаки, Бидзэн, Биттю, Бинго, Аки, Суо, Нагато, обращенные в сторону Внутреннего моря.

⁵⁹ Токайдо - центральная транспортная магистраль в феодальной Японии, связывающая Киото с Эдо.

⁶⁰ Hendlexicon - карманный словарь.

⁶¹ Handaf lesr - карманный атлас.

⁶² Shocking - ужасно.

⁶³ Ниндзоку - народ.

⁶⁴ Фудзияма и Никко - объекты поклонения в Японии, считающиеся ее главными достопримечательностями. Фудзияма - самая высокая гора в Японии. Никко - город, где сосредоточены мавзолеи и храмы, считающиеся святынями.

⁶⁵ Dsiopo — дзёфу — проститутка (яп.).

⁶⁶ Татибана Косай (1820—1885) - первый преподаватель японского языка в Петербургском университете. Прожил в России с 1855 по 1874 г.

⁶⁷ Point d honneur - достоинство.

⁶⁸ Oriental Bank — Восточный банк.

⁶⁹ Sic transit gloria mundi - так проходит мирская слава! (лат.).

⁷⁰ Из воспоминаний о двухлетней службе в Японии в 70-х годах.

⁷¹ Гвайкокуго гаккоу, гайкокуго гакко - школа иностранных языков в Токио.

⁷² Момбуево (момбусё) — министерство просвещения.

⁷³ Согласно договору о торговле и границах между Россией и Японией от 1855 г. Сахалин объявлялся «неразделенным между Россией и Японией». Такое положение продолжалось до 1875 г, когда по Петербургскому договору южная часть Сахалина была обменена Россией на принадлежавшие ей Курильские острова, которые отошли к Японии.

⁷⁴ Правильно «пойдет».